

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	3
О коммунизме и марксизме — 29	4
IN MEMORIAM	25
IN MEMORIAM	26

ОГЛАВЛЕНИЕ

Метафизическая война	2
Судьба гуманизма в XXI столетии	63
Война с историей	93
Хотел ли Войков взорвать царский поезд, или Можно ли верить показаниям эсера Саковича?	94
Белые бесы — 2	107
Культурная война	120
Десоветизация живописи — VI	121

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 29

Разве Маркс не написал в своей докторской диссертации, что Прометей — это самый благородный святой и мученик в философском календаре?

Альбрехт Дюрер. Меланхolia. 1514 г.

В 2009 году в Нью-Йорке вышла книга профессора оксфордского университета Дэвида Пристланда. Книга называется «Красный флаг. История коммунизма». В 2011 книга вышла у нас на русском языке. В этой книге есть глава, посвящённая Марксу. Она называется «Немецкий Прометей». К сожалению, книга не ахти какая. И всё же она небезынтересна. Хотя бы потому, что явным образом не является ни антимарксистским, антикоммунистическим пасквилем, ни обновлённым вариантом тупо ортодоксального псевдомарксизма.

В основном автор просто перечисляет все этапы становления различных коммунистических и оклокоммунистических направлений. А также даёт характеристики этих направлений — короткие и не всегда отвечающие даже минимальным научным требованиям. Но одна мысль Дэвида Пристланда безусловно заслуживает внимания. Она состоит в том, что в личности и творчестве раннего Маркса очевидным образом соединено

несоединимое — пафос Просвещения с его бесконечной верой в рациональность и пафос революционного романтизма, основанный на отвержении буржуазной рациональности, да и рациональности в целом.

Если бы ранний Маркс был просто продолжателем традиции рационализма в её просвещенческом понимании, то было бы просто скучно. И выкладки — кто спорит, очень мощного — разумо данного исследователя ни на что бы не повлияли.

Если бы ранний Маркс был просто революционным романтиком — а он ведь мечтал быть и поэтом, и драматургом, писал стихи и так далее, — то всё определилось бы масштабом его поэтического, литературного дарования. Возможно, Марксу удалось бы это дарование развить. А возможно, и нет. В любом случае сам Маркс был не в восторге от своих литературных, поэтических сочинений.

Но в том-то и дело, что Маркс стал тем, кем

он стал, соединив внутри себя фундаментальное противоречие между рационализмом Просвещения и антирационализмом революционного романтизма.

Пристланд очень скрупульно рассматривает всё, что с этим связано. Но он рассматривает хотя бы что-то из того, что связано с данным фундаментальным противоречием, породившим личность Маркса и являющимся очевидным зерном его особого интеллектуализма. Если бы Пристланд занялся только разработкой проблемы сочетания несочетаемого в творчестве Маркса, его работу можно было бы считать выдающейся. Но он этим не занялся, ограничившись скромным цитированием весьма важного для нас материала.

Какого именно материала? Например, воспоминаний дочери Маркса Элеоноры, утверждающей, что отец Маркса был настоящим человеком Просвещения, настоящим французом, выходцем из XVIII века, знавшим наизусть Вольтера и Руссо. А другой наставник Маркса, ба-

рон фон Вестфален, отец будущей супруги Маркса Женни, по словам всё той же Элеоноры, был представителем антипросвещенческого романтического мировоззрения, остро конкурировавшего с мировоззрением просвещенчески-рационалистическим. Именно барон фон Вестфален, как утверждает Элеонора, «*привил Марксу сильный интерес к школе романтиков, и если отец читал с ним Вольтера и Расина (тут интересно, что ещё и Расина, представителя французского классицизма, а не просвещения — С.К.), то барон читал ему Гомера и Шекспира, которые навсегда остались его любимыми авторами*».

Приведя эти ценные для нас высказывания Элеоноры, Пристланд пишет: «*Несоответствие принципов Просвещения (с его признанием разума, порядка и науки) принципам романтизма (с его презрительным отношением к рутине и страстью к героической борьбе) мешало Марксу в его собственных раз-*

мышлениях». Пристланд всё сводит к понятию «мешало». Мне же представляется очевидным, что это несоответствие как раз и породило оригинальность марксовского интеллектуализма. Пристланд справедливо полагает, что личности Маркса «в большей степени были свойственны черты блестящего, редкого гения романтизма, чем земного, открытого вольтеровского человека науки».

Справедливо указав на это обстоятельство, Пристланд приводит одно из интересных писем Генриха Маркса своему сыну: «Господи, помоги нам! Беспорядочность, возмутительное барахтанье во всех науках... Несдержанность, грубость, беготня с растрёпанными волосами в студенческой форме... Уклонение от любого общения, пренебрежение договорённостями... твоё взаимодействие с миром ограничено грязной комнатой, где разбросаны в классическом беспорядке любовные письма от Ж. (имеется в виду будущая жена Маркса Женни — С.К.) и ис-

полненные благими намерениями, залитые слезами увещевания твоего отца».

Оставим в стороне ординарную часть сето-ваний отца на беспутство сына. И обратим внимание на главное — на «возмутительное барахтанье во всех науках», которое осуждает Генрих Маркс. Именно это «возмутительное барахтанье во всех науках» и создало уникальный интеллектуализм Маркса, принципиально отличный от всяческого строгого научного академического рационализма и одновременно ориентированный на некую научность. Которая, как я убеждён, и является научностью принципиально нового типа.

Помимо антипросвещенческого, по сути своей революционного романтизма и рационалистического — опять же, революционного — просвещенчества, ещё одним компонентом интеллектуального сплава под названием «марксизм» является, по мнению Пристланда, некое талмудическое начало в творчестве Маркса.

Пристланд не антисемит. Он, напротив, склонен упрекать в антисемитизме самого Маркса. Всё, что он хочет сказать, апеллируя к талмудизму, порождённому принадлежностью Маркса к очень элитным еврейским талмудическим группам, — это оригинальность марксистского метода. Пристланд возводит эту оригинальность к фактически неосознаваемым Марксом интеллектуальным талмудическим флюидам, впитанным данным мыслителем вопреки всему на свете — его собственному отрицанию еврейства, переходу его отца в протестантизм и так далее.

Мне лично данная мысль Пристланда представляется интересной, потому что в том, что он называет «талмудизмом», есть претензия на целостность, то есть на тип научности, фактически отрицаемый Просвещением, заимствовавшим это отрижение у Рене Декарта, который направил науку в сторону рационализма и порождённой им специализации. Другая наука, конечно же, существовала и существует. Но для того

чтобы на неё ориентироваться в XIX веке, нужно впитать откуда-то что-то, образно говоря, антидекартовское и при этом научное. Пристланд считает, что впитанное связано с талмудизмом именно как с методом, а не с восхвалением еврейской иудаистической избранности. Почему бы нет? Мне лично кажется, что корни этого «недекартовства» у Маркса иные. Что они связаны со Спинозой (проклятым, как мы помним, ортодоксальным еврейским миром) и всем тем, что впитал и модифицировал сам Спиноза. Но почему бы не учесть и альтернативные точки зрения?

Пристланд хотя бы пытается перекинуть мост между поэзией Маркса и его теорией. Он цитирует стихотворение Маркса «Чувства»:

*Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.*

И далее говорит: «Как видно, его настрой был созвучен настрою величайшего бунтаря,

воспетого в древних мифах, — Прометея, восставшего против Зевса-тирана».

Пристланд никак не разъясняет, почему из этого стихотворения Маркса видно, что его настрой созвучен именно настрою Прометея. Он ни слова не говорит о том, почему в его представлении Маркс является немецким Прометеем нового времени. Но он хотя бы голословно на это указывает. Что ж, и на том спасибо.

Что же касается рассуждений Пристланда об отчуждении или каких-либо сходных по глубине и нетривиальности марксистских идеях, то пунктирность, поверхностность и популяризаторская банальность построений, осуществляемых Пристландом, не позволяет воспользоваться хоть чем-нибудь из этих его как бы рефлексий на марксизм и Красное дело в целом. Так что приходится нам, читатель, отдав дань Пристланду и обратив внимание на отдельные его суждения, идти почти непроторёнными, как это ни странно, интеллектуальными тропами.

Меня часто спрашивают: «Зачем вы пытаетесь доказать, что дважды два равно пяти? Опомнитесь, Маркс столько раз говорил о своём атеизме, коммунисты классического марксистского образца ставили атеизм во главу угла, куда вы дёнете все эти коммунистические песни о том, что надо сравнять с землёй церкви и тюрьмы? Почему вообще вам так нужен Маркс? Вы же говорите о коммунизме 2.0, об СССР 2.0 — так делайте всё заново. Признайте, что Маркс был неправ в своём абсолютном отрицании религии. Скажите, что в чём-то другом он был безусловно прав и откройте новую страницу. На той старой, которую вы рассматриваете через лупу, так много всего написано, написанного уже не стереть. Не занимайтесь заведомо безнадёжным делом выведения безусловного атеиста Маркса за рамки того атеизма, который был так люб его сердцу».

И что на это ответить?

Во-первых, Марксом и марксистами написано много разного. И это разное не может быть

уложено ни в какую однозначную систему. Атеистическую или иную.

Разве Лафаг не написал всего того, что он написал?

Разве Маркс не написал в своей докторской диссертации, что Прометей — это самый благородный святой и мученик в философском календаре?

Разве самые разные теологи не считают возможным и правомочным объединение религиозных доктрин и марксизма? Они ведь верующие люди, причём весьма компетентные в вопросах религии. Почему же тогда они считают возможным соединение как бы несоединимого — некоего суператеизма и религиозных доктрин?

Как революционер Маркс может сколь угодно негативно относиться к церкви, выступающей в защиту господствующего класса, который он хочет низвергнуть, но может ли он так же относиться к другой церкви, а ведь она определённым об-

разом существовала. И с предельной решительностью становилась на защиту обездоленных.

И, наконец, главное. Маркс — философ. Причём, философ по призванию, а не по профессии. Может ли философ по призванию полностью отвергнуть всё, что связано с духом? Другое дело, как трактуется это, связанное с духом. Но может ли философ по призванию взять и отвергнуть всё, связанное с духом? А если этот философ — как мы только что обсудили — мучительно раздираем между рационализмом и романтизмом, то как ему осуществить подобное отвержение духа как такового? Кому из романтиков это удавалось сделать? Да, были романтики, которые начинали превращать в сатанизм своё отвержение церкви господ и того «господа бога для богатых людей», который, по представлению этих романтиков, утверждал незыблемость мира, населённого рабами и господами.

Мы знаем этих романтиков и их сочинения. Мы понимаем, что почти все революционные

романтики на определённом этапе заигрывали с богоборчеством. Мы знакомы и со стихами совсем молодого Маркса, в которых желание Маркса-поэта идти в ногу со временем и быть в авангарде революционного богоборческого романтизма порождало это самое далекоидущее богоборчество. И хорошо известно, кто именно и зачем превращал эти почти детские богоборческие порывы в так называемый сатанизм.

Мои оппоненты, утверждающие, что нельзя превратить Маркса-атеиста в философа, ориентированного на духовную проблематику, хотят, чтобы Маркс остался «просто» атеистом, «абсолютным» атеистом. Но им же никто не даст это сделать. Потому что им скажут, что Маркс во все не атеист, а подлинный сатанист, верующий в Князя мира сего, поклоняющийся этому Князю и так далее. Неужели мои оппоненты, радеющие за чистоту атеистических риз Карла Маркса, не знакомы с литературой о его якобы безусловном злочачественном и сугубо религиозном са-

танизме?

Ричард Вурмбранд — фигура, заслуживающая внимания. Это мужественный и сильно претерпевший антикоммунист. Антикоммунист яростный и абсолютно непримиримый. В 1945 году в Румынии, где он проживал, был создан не конгресс атеистов, а именно религиозный конгресс, в котором приняло участие 4 000 представителей духовного сословия. Этих представителей духовного сословия — епископов, священников, пасторов, раввинов и муфтиев — не загоняли в вагоны для скота и не отправляли по этапам. Им, собранным в огромном зале, предложили — о, ужас! — построить систему духовного диалога между коммунистами и религией. Если бы коммунисты хотели только атеизма — зачем им нужен был бы диалог с теми, кто находился по другую сторону от этого, столь им желанного, атеизма? Ах нет! — коммунисты заявляют, что они хотят такого диалога! И многие представители самых разных конфессий выступают в пользу диа-

лога.

Вурмбранд ведёт себя иначе. Он выступает с трибуны этого собрания... 1945 год. На стене висит портрет товарища Сталина. В зале — представители конфессий и коммунисты. Коммунисты только что победили... Вурмбранд выступает в этом зале с яростно антикоммунистической речью, он отрицает любую возможность диалога между коммунистами и религиозными людьми. А что значит отрицать возможность диалога? Это значит призывать к конфронтации. Так он и призывает к конфронтации! Причём в условиях, когда идёт трансляция выступлений по радио. Ему скручивают руки и выводят из зала? Нет! Его арестовывают в 1948 году, то есть через три года. А что он делает все эти три года в Румынии в условиях яростной борьбы между коммунистами и всеми, кто боролся против них на стороне Гитлера? Он призывает к борьбе с коммунистическим антихристом. Его арестовывают. Он проводит в тюрьме 11 лет.

В 1959 году его выпускают. Он тут же берётся за яростную антикоммунистическую деятельность. Честь и хвала его убеждённости. Но что должны делать коммунисты, находящиеся у власти? Он призывает к расправе над ними, называет их антихристами. А они что должны делать? Они его опять арестовывают.

Затем некая всеобщая амнистия. Вурмбранда особождают в начале 60-х (кажется, в 1962-м). Он вновь включается в работу не абы какой, а подпольной церкви. Тогда ему предлагают покинуть Румынию, и он в 1965 году уезжает в США. Не спорю, Вурмбранд жёстко пострадал от коммунистов.

Но, во-первых, можно ли назвать его невинно пострадавшим?

И, во-вторых, он не был убит, он не сгинул в тюрьмах, он уехал в США в 1965 году. То есть в то время, когда власть коммунистов была непоколебимой.

Как и почему он уехал — вопрос отдельный.

Но, уехав, он всецело отдаётся главному делу жизни — дискредитации Маркса как сатаниста. На русском языке книга Вурмбранда выходит в 1991 году под названием «Другое лицо Карла Маркса». Но на английском она выходит гораздо раньше и называется она «Marx: Prophet of Darkness' («Маркс: Пророк Тьмы»).

Вдумаемся — Маркса преподают во всех ведущих университетах мира. Марксистами (не коммунистическими, а иными) являются очень многие мировые авторитеты. Всем этим авторитетам, часть из которых верующие, сказано, что тот, которого они считают своим учителем, — это завзятый сатанист, ставший таковым в 17 лет (хорошо ещё, что не в 10).

Ощущаете силу захода и степень ангажированности этого самого Вурмбранда? Дальше — больше. Вурмбранда фактически один к одному излагает, не сообщая никому, что речь идёт о мнении данного пастора, проживающего в США, некий аналитик Георгий Марченко

(не путать с известным диссидентом А. Т. Марченко). Далее вся эта тема становится основной для бандеровцев и продолжает оставаться таковой вплоть до настоящего момента.

А тут ещё ко всему этому явно не случайным образом подключают авторитетного для просоветской публики С. Кара-Мурзу, который обвиняет Маркса в русофобии. Чуете, куда всё это нацелено? И чья рука наводит на цель, спускает курок, отслеживает результат и так далее? Ну так и каков же будет ответ? Кем же беспредельно восхищался Маркс? Прометеем, этим фактически единственным в мировой религиозной истории полноценным прототипом Христа, возлюбившим людей и за это прикованным к горам Кавказа (фактический аналог крестной муки)? Или Сатаной, низвергнутым за то, что он не согласился с божьим представлением о человеке как венце творения, с наделением человека свободной волей?

Кто-то отменил идеологическую борьбу в со-

временном мире?

Кто-то считает, что карта атеизма, разыгрываемая в этой борьбе, не будет сразу же бита картой сатанизма?

Я против всяческих подтасовок. Если нет в творчестве Маркса слагаемых, позволяющих рассматривать тему марксистской духовности, то ни в коем случае нельзя их выдумывать. Но если они есть? И как же быть с Прометеем?

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

IN MEMORIAM

IN MEMORIAM

Памяти наших товарищ: Игоря Юдина,
Евгения Беляева, Евгения Красношенина

Флаг «Сути времени»

Год назад, 17 января 2015 года, отряд «Суть времени» отбил атаку украинской хунты на одном из важнейших направлений — в донецком аэропорту. Удержав позицию «Монастырь», сутевцы не дали порвать северный рубеж обороны Донецка. Трое бойцов отряда погибли.

О погибших вспоминают близкие люди — родственники и боевые товарищи.

Игорь Юдин (Болгарин)

Игорь Юдин (Болгарин)

Надежда Юдина, мама Игоря Юдина: Я уверена, что Игорь на нас смотрит. И я постоянно ему говорю: «Ты всё сделал правильно! Я на твоей стороне. И если опять всё бы это случилось, я бы опять тебя поддержала. Ты всё сделал правиль-

но, сынок. Я это знаю». А как я не поддержу, как скажу — «неправильно»?

Я рассказывала куме — когда мы с ним спорили, он сказал: «Мама, так пусть чужие дети гибнут? А ты своего спрячешь?»

А кума мне говорит: «Да! Надо было сказать: «Да, я своего спрячу!».

Я говорю: «Это было бы нечестно, и я такого не сказала и никогда не скажу. Я ему сказала: «Я с тобой согласна, сын. Ты всё делаешь правильно». Потому что я знаю — он от меня ждёт поддержки. И я бы опять ему сказала: «Ты всё сделал правильно, сынок...»

Он как-то записал — я потом эту выдержку выучила наизусть: «Я вообще трудный человек. Потому что я живу идеями. И за свои идеи я готов на всё. Мне предстоит огромная работа. Как подумаю — жуть...».

Он готовился — я потом нашла, — как выступать с трибуны, у него всё вот это есть. Спал он со школьной скамьи без подушки. Приедет до-

мой, я ему говорю: «Ну, возьми хоть малюсенькую...» А он: «Мне подушка не нужна». Он как чувствовал — готовил себя к такой жизни...

В интернете кто-то отзыв написал: «Я помню этого паренька, Игоря. Он постоянно был с камерой и в разрушенных домах смотрел литературу, какую можно было бы почитать». В этом — весь Игорь. Он без книги не мог. Присел, уже смотрю — читает. Приедет ко мне вечером, утром уезжает — две книги в сумке. Я: «Зачем такая тяжесть, ну одну бы взял!» А он: «Мам, надо».

Вольга: Игорек всегда был человеком скромным, сдержаным. При этом скромность не мешала ему быть уверенным в себе. Он всегда чётко понимал, что он делает, зачем он делает. Поэтому ему было довольно-таки просто общаться с людьми, ему было просто познавать что-то новое. Для меня он ассоциируется с русским интеллигентом XIX века, который бросал всё, менял свою жизнь и ради чего-то светлого, большого, впереди маячащего шёл к своим страждущим

братьям. Что-то в нём было такое — порода, что ли? Не знаю.

При этом у него был очень оригинальный, с моей точки зрения, юмор. Очень трудно это описать словами, не погружаясь в ситуацию... ну вот представьте: первая для него серьёзная боевая операция, порядка четырёх суток наступления со сменой направления. Ему было очень страшно, было видно, что парень весь сжался. В боевую группу он попал значительно позже, а в тот момент он как представитель Информцентра добровольно пошёл, точнее, в большей степени поехал с нами на броне на операцию по освобождению Лебяжьего, Васильевки и Пантелеймоновки.

Была ситуация, когда мы шли по открытому пространству. Справа от нас — поле подсолнухов, слева — чистое поле, высоковольтные вёски электропередач. Нас начали обстреливать. Задача была — дать возможность работать нашим танкам, ну и, соответственно, рассыпаться.

Мы ссыпались с брони. Налево уходить не было смысла — во-первых, оттуда шёл обстрел, во-вторых, там просто негде было ни залечь, ни замаскироваться. Поэтому прыгали все в правую сторону и уходили в подсолнечник, там рассредотачивались.

Игорек, пробегая по мне и поняв в последний момент, что он одной рукой стоит у меня на руке, а вторая его нога идёт приблизительно в область моей головы, говорит: «Ой, блин, простите, командир!» Эту ситуацию описать очень сложно. Тут был и страх, и воспитанность, и одновременно шутка. Это было смешно, и он через юмор, через эту шутку, использовав случайную ситуацию, разрядил свой страх и чувствовал в общем-то себя уже более уверенно, более спокойно. Он умел таким вот ненавязчивым, не всепоглощающим, лёгким юмором, лёгкой шуткой разрядить обстановку. В связи с чем его очень любили ребята.

С одной стороны он мог присутствовать в любом собрании людей как бы незаметно. Но ес-

ли происходило решение каких-то серьёзных вопросов, он умел брать на себя ответственность, всегда каким-то образом вносил свою точку зрения в обсуждение.

Он умел уходить от конфликтов. Хотя, если не оставалось других выходов, он не боялся конфликтов. Он просто их не любил.

Лом: С Болгарином я познакомился ещё до начала острой фазы. Это был первый человек из донецкой «Сути времени», с которым я увиделся. Мы встретились в кафе. Было смешно, что он, молодой мальчишка, мялся, не мог потребовать у меня документы. Я ведь был приезжим, он не знал, кто я, что я — и мялся, стеснялся. Так что я ему сам предложил: «Хочешь паспорт — пожалуйста, стесняться не надо, это нормальное требование». Такое вот было начало знакомства.

Потом была ОГА, потом — всё остальное. Когда шли на Пантелеимоновку в одном тактическом десанте — сидели на броне рядом. И когда двигались в пешем строю, тоже были рядом. По-

том немножко, конечно, разбросало нас. Я двигался по службе в определённом направлении, а он, помимо того, что был военным корреспондентом, успевал ещё быть депутатом Народной Республики. Первым депутатом из «Сути времени». До сих пор не верится, что его уже нет.

Ирис: Болгарин начинал как оператор в нашем Информцентре, занимался гуманитаркой, совмещал эту работу с депутатством. Зимой он, уже когда закончил своё депутатство, сам попросился в аэропорт, на позиции. Сначала он был у меня на АГСе, позже ушёл на другую позицию — «Монастырь».

Запомнился такой случай. Стреляли мы с ним из АГСа. Я вёл огонь. Он был вторым номером, помогал заряжать. Произошла осечка, надо было разрядить гранатомёт — извлечь оставшуюся внутри гранату. Я просил Болгарина держать руки внизу, чтобы граната не упала на землю. Болгарин их держал сбоку, и граната в итоге упала, но не взорвалась. Пришлось Болгарину дать

оплеуху... Он обиделся, но потом подошёл, сказал: «Спасибо за науку». И дня три или четыре с утра до вечера собирал-разбирал АГС, заряжал-разряжал.

Контрабас: Игорь-Болгарин был координатором нашей донецкой ячейки «Сути времени». Очень тихий такой, скромный парень. Но когда какая-нибудь мысль, какая-то идея его брала за живое, то он просто горы мог свернуть.

Так было и с референдумом 11 мая 2014 года, когда большинство ребят говорили: «Зачем нам это надо?» Он сказал: «Надо». И вот этим своим «надо» он в итоге всех повернул. Понятно, что после 2 мая в Одессе и после 9 мая в Мариуполе уже не было никаких вопросов вообще... Именно он организовал на базе донецкой ячейки «Сути времени» комиссию в Киевском районе, как раз недалеко от аэропорта. Мы там отработали хорошо. До сих пор помню: 3 007 человек к нам пришло, и 98% было за новую республику.

Он участвовал во всех событиях, связанных

с образованием ДНР. С 6 апреля, с самого момента захвата обладминистрации, он там дневал и ночевал. Мы звонили ему, а он говорил: «Мы работаем». Мог 40 с лишним часов не спать.

В какой-то момент Игорь мне сказал: «Запиши телефон моей мамы, если что-то случится — позвони и скажи, что так и так, чтобы она не переживала, что я на связь не выхожу». У него очень близкие отношения были с матерью всегда.

Я номер-то записал, но потом, к сожалению свой телефон разбил, номер этот так и не удалось оттуда достать, и не я сообщал о том, что произошло в январе в аэропорту.

Евгений Беляев (Белка)

Евгений Беляев (Белка)

Виктория, двоюродная сестра Евгения Беляева: Я для него была и друг, и сестра — всё в одном. Мы вместе росли, вместе и в походы ходили, и на рыбалку — он очень любил рыбалку. И если нас ругали, то ругали тоже вместе.

Всегда он меня защищал. Был самый лучший брат. Учил меня бороться — он занимался борь-

бой, у него гири, гантели были, всё он делал своими руками. Считал, что девочка должна защищаться. Что если его нет рядом, я должна защищаться сама.

Когда он собрался в ополчение, мы, конечно, были все в шоке. Мы его отговаривали, я и плакала, и просила неходить, но он сказал: «Если не я, кто вас защитит?» И пошёл.

В августе 2014-го его ранили, и он попал в госпиталь. Мы снова просили: «Женя, давай мы за тобой приедем, заберём!» Он ответил: «Я здесь буду до конца. Я отсюда никуда не уеду».

Ему сделали операцию. Стало полегче. И он остался, хотя я его очень просила — вернись. А он: «Я буду защищать»... Вот так вот и получилось, что защитил, а сам не защитился.

Петъка: Белка — один из первых новых ребят, которые прибыли к нам в отряд. Это было на Пантелеимоновке, и в самую первую ночь я попал с ним в охранение танков. Мы потом неоднократно ходили в караулы, спали под танками,

вместе несли службу. Мне не приходилось ещё сталкиваться с такими людьми, которые могли бы молча четыре часа подряд кувалдой здоровенной выбивать бойницу на аэропорту в здании, которое было спроектировано таким образом, чтобы усилить прочность (это был технический объект). Два с половиной кирпича толщина стены... Меня на 15 минут хватило кувалдой помахать — всё. Сколько он работы проделал над этой бойницей! Человек был воин. Погиб как воин.

Марс: Белка был человек потрясающей работоспособности. Какая-то удивительная неутомимость. У нас в отряде и потом были ребята такие — настоящий дух Донбасса. Местное население. Белка именно шахтёр такой. То есть шахтёром он не был, он был монтажником, но по внутреннему складу это порода — настоящая мужицкая порода. Он мне очень сильно напоминал типажи из хроник времён Великой Отечественной войны. У него и лицо такое характерное, как тё-

санное из камня, и сам такой — кремень, немногословный и очень упорный.

Последний подвиг, который он совершил непосредственно 17-го числа... У меня даже слов нет, потому что в каком-то смысле, наверное, именно его поступок — а он пришёл к нам на «Трёшку», перемещаясь по открытому пространству под шквальным обстрелом, — переломил ход ситуации. Он открыл новые пределы возможного на тот момент. Вечная память. Герой самый настоящий.

Орион: Боец Кот-Баюн был 17 января вместе с Белкой на позиции «Гавань». Знаю с его слов, что Белка в тот день сказал: «Слушай, там наших атакуют. Может быть, кто-то погибнет сегодня, но ничего, отобьёмся». Схватил автомат, схватил боеприпасы. Кот-Баюн его спрашивает: «Ты куда?» «Я, — говорит, — помочь пошёл. Им помощь нужна». Так Белка пришёл к нам на «Трёшку».

Белка был человек отчаянной смелости, на-

стоящий боец. Показал и воинскую доблесть, и отвагу. В последний раз он нас выручил уже после свой гибели, потому что у него был работающий сотовый телефон, а у нас у всех сели батарейки. Мы пытались поддерживать постоянно связь на рациях, но было очень холодно — батарейки быстро разряжаются из-за холода. Когда у нас связи не стало, мы с Архангелом достали телефон Белки и держали связь уже по этому телефону. То есть он помогал нам держаться даже после своей гибели.

Техас: Из троих героев «Сути времени», которые погибли 17 января 2015 года, Белку я знал лучше всех. Мы с ним жили в одной комнате, я был новичком, это была моя первая позиция. И он взял меня под своё крыло. Однажды ночью я был на позиции «Глаза», на наблюдательном пункте. Укропы ползли в зелёнке, я начал стрелять в них из ПКМ. Мне сказали: «Нет-нет, не трогай ПКМ! Стреляй из своего автомата». Просто ПКМ был «ребёнком» Белки. Но Белка сказал:

«Всё в порядке». А потом помог мне его почистить. Примерно так мы с ним и познакомились.

Я не очень хорошо говорил по-русски, но он был со мной очень терпеливым, он по-настоящему заботился обо мне. И он был одним из самых старших, самых опытных бойцов в отряде. Он воевал уже полгода. А ребята с военным опытом в полгода были для нас словно викинги, древние воины, как будто они опытнее кого бы то ни было.

Белка ненавидел войну. Он был бесстрашным. Он всегда оставлял за собой право действовать, он всегда хотел идти в наступление. Он был словно самурай. Он хотел быть на передовой и был готов пасть в бою, если нас будут атаковать. Он был очень милым парнем, но в то же самое время очень жёстким бойцом.

Я был совсем «зелёным» в мой первый заход в аэропорт. И он присматривал за мной. Думаю, отчасти поэтому меня и не убили там. Он учил меня замечать снайперов и других боевиков. Было

забавно, когда мы несли дежурство на наблюдательной позиции. Он знал, что украинский снайпер с тепловизором всего в каких-то паре сотен метров от нас. Мы все стояли у окна. Но новички не могли спокойно стоять, они всё время перемещались из стороны в сторону, думая, что находятся под прицелом. А такие парни, как Белка, и особенно он сам, стояли, словно статуи. Он как будто бросал вызов, чтоб в него выстрелили. Он ничего не боялся.

Ирис: Белка никогда не бравировал тем, что он уже воевавший. Учился. Если не знал чего-то по тактике, огневой подготовке, то говорил об этом откровенно и стремился наверстать. Был он не очень уже здоровый человек. У него была контузия, достаточно тяжёлая. Со слухом было не очень. То есть последствия контузии сказывались. Предлагали ему попроще деятельность, но он отказывался. Говорил, что его место впереди, с теми, у кого нет ещё опыта.

Он пришёл на войну воевать. Это чувствова-

лось по всем его действиям. Он безоговорочно брался за любую работу. Не ставил себя выше кого-то. В коллективе ни с кем никогда конфликтов не искал. Был опорой. На него можно было опираться, надеяться, что не подведёт. Он и не подвёл.

Ирина, вдова Евгения Беляева: Женя был очень хороший человек. Он любил нашу дочку, всегда с ней гулял, баловал её. Любил свою маму. Он любил жизнь.

У него были золотые руки. Он мог сделать всё — за что бы он ни брался, у него всегда всё получалось. Вплоть до того, что он мог даже построить дом. Он любил работать. Для него работа была на первом месте. Без работы он никогда не сидел. Одно время был строителем — ездил на заработки в Крым и в Киев. А в последнее время устроился на завод в Донецкой области, где строили печи.

У него было очень много друзей. Это был общительный человек. Всегда помогал друзьям,

помогал всем. Если друг какой-нибудь попросит его: «Жень, помоги!» — он бросит всё и пойдёт, поможет. Безотказный человек. Серьёзный. Всегда он держал своё слово.

Когда это всё случилось, он ни с кем не посоветовался. К нему пришёл друг и предложил пойти в ополчение. Женя согласился, он принял решение, исходя из того, что ситуация просто безвыходная, деваться некуда, стоять надо до конца. И они пошли с другом, они решились. Когда его мать узнала об этом, она очень расстроилась. А я, когда узнала, — заплакала. Говорю: «Женечка, пожалуйста, не иди. Не оставляй дочку». А он: «Я решил. Назад дороги нет. Всё».

Я его понимаю прекрасно. На тот момент очень много мужчин ушли в ополчение, невзирая на то, есть у них семья или нет. Оставляли и беременных жён, и с маленькими детьми — и шли в ополчение.

В какой-то момент мы приняли решение уехать в Россию. Мама Жени поехала с нами. Пе-

реписывались, перезванивались. По телефону он говорил скучно, опасаясь прослушки.

Я его в письмах подбадривала, писала: «Держись, вернёшься с победой домой». Ему было тяжело. Он писал и матери, и мне, но мне он, конечно, писал больше, потому что боялся маму расстроить. Там было очень горячо. Бывало так даже, что он не пишет — мы переживаем, места себе не находим. А потом напишет мне: «Жив-здоров, не до вас было — было очень горячо. Передавай всем привет. Я всех вас очень люблю. Если останусь жив — всё будет хорошо». Он как чувствовал. Всегда в конце припишет: «Если останусь жив...»

Когда 2 августа 2014 года мы узнали о его первом ранении, то очень переживали. Пошли в церковь. Мать не спала... Он лежал в госпитале. Мы звонили ему, просили: «Женечка, приезжай к нам!». Он говорит: «Нет. Я своих товарищей не предам».

Последний звонок от него был перед Новым

годом, в декабре 2014-го. У него был такой взрыв горя... Убили его друга. Он потерял лучшего друга, они были с ним из одного города. Он тогда сказал: «Ты не представляешь, как это больно. Сколько друзей на моих глазах погибло. Я пойду до конца». И он пошёл до конца.

Евгений Красношайн (Пятница)

Евгений Красношайн (Пятница)

Вольга: Пятница с первого момента, когда мы столкнулись, и до самой своей смерти во время боя был оптимистом. Он не позволял себе срываться. Я не помню его агрессивным вообще — ни во время боя, ни в каких-то других ситуациях.

Говоря о Женьке, выделю три ярких его черты (их гораздо больше).

Первая черта — это его юмор, очень светлый, тёплый, солнечный. В любой ситуации он умел шутить.

Вторая черта — он был очень добрым человеком. Однажды у Пятницы был самострел. Он из окна высовывался и проверял оружие. Такие вещи случаются, особенно у молодых ребят. За всё время у Пятницы был один такой сбой. А мы в это время стояли на улице. Передо мной была построена часть группы, я что-то объяснял. В общем, я стоял отдельно, стояла группа. Автомат Пятницы выстрелил в столб, и от столба прилетел рикошет мне в ногу. Пошли шутки, что я «ниже колена непробиваемый» (а попало чуть

ниже моего колена, в которое часто «прилетает»).

Надо было видеть Женьку, насколько он переживал! Он подстраховался автоматически. Он не мог ни в кого попасть, рикошет штука такая — ну там синяк максимум. А тут даже синяка не было, штанину порвало и всё. То есть видно было, что никакую травму он мне не нанёс. Мне очень трудно передать выражение его лица — да, там был испуг. Но самое главное у него — вот эта его доброта. Покаяние грешника можно было рисовать с Пятницы, когда он стоял с этим лицом!

Третья черта — в экстремальных ситуациях он был очень смел. Но он был смел не так, как часто можно увидеть в кинематографе, то есть не с позиции какой-то там ярости. Он был спокойно весел. Спокойствие ему позволяло принимать правильные решения или оригинальные решения, казавшиеся не всегда правильными, но в итоге помогавшие найти выход из ситуации. А его весёлость лёгкая — она ребят, которые в меньшей

степени были готовы к этим испытаниям, как-то успокаивала.

Матрос: Наш брат Пятница приехал к нам в Донецк в конце июля 2014 года. Тогда мы ещё не знали Женю. Но сразу поняли, что это такой русский парень с открытой душой, горячим сердцем.

Среди добровольцев, приезжающих к нам на Донбасс, есть такие, которых мало что держит на родине. Или такие, которые бегут от проблем — например, от проблем в семье. Человек, который едет на войну, либо очень сильно горит внутренне и переживает происходящее как трагедию. Такой человек готов идти на жертву. Либо он бежит от своих проблем, чтобы как-то забыться.

Женя был из тех, которых держало дома очень многое. Он не сбежал от проблем. Он приехал к нам, чтобы помочь решить проблему. На родине у него осталась прекрасная жена, любимый сын. Поначалу для меня это было непо-

нятно. Я спрашивал у Жени: «Жень, ты женат?» «Да, я женат». «И дети есть?» Он говорит: «Да, и ребёнок есть». В тот момент — а разговор этот произошёл в июле 2014 года — многие из нас ещё не понимали до конца всю серьёзность ситуации.

Женя очень любил свою семью, своих близких. И — уверен — любит. Он с нами рядом, он за нами смотрит.

Андрей, дядя Евгения Красношёина: Он был человек, который зажигался. В нём всегда была такая искорка, интерес к чему-то. Он был очень общительный человек — душа компании. Он своей улыбкой обезоруживал всех.

Ему нравилось, когда он сам выбирает. Ему было плохо, когда он видел несправедливость. И в этом смысле поехать на Донбасс, если там погибают дети, невинные дети... И ещё — он считал: то, что там началось, может и к нам прийти. Поступки Женьки — это правильные поступки.

Лом: Женя-Пятница — бывший десантник,

молодой мальчишка — никогда не ругался матом. Чтобы вывести его из себя, надо было совершить какой-то невероятный проступок. Он всегда всех поддерживал. Но командир был строгий, и люди подчинялись ему не за страх, а за совесть. Он умел дотянуться до какой-то струнки внутри человека, так что ты делал то, чего он требовал, и считал, что так и должно быть. Я был некоторое время у него в подразделении, даже под его началом. Занимался тем, что обслуживал «Утёсы». Мне было быстро, доходчиво объяснено, что надо делать, сколько раз в день. И он успевал и контролировать, и пошутить.

Контрабас: Пятница был очень живой, очень подвижный и очень весёлый молодой человек. Помимо этого, у него была ещё способность проникать вглубь вещей. Он обладал собственным взглядом на любую жизненную ситуацию, и когда он высказывал своё мнение, то часто потом думалось: «Да, да. Всё действительно так».

Он был человек слова. Человек дела. Один

из немногих, кто прошёл подготовку — в ВДВ служил. В отличие от большинства сутевцев, собравшихся в Донецке, знал хотя бы, что делать. Не то что мы, сплошные ботаники, которые только понаслышке знали об автомате.

Пятница мне, можно сказать, путёвку в жизнь дал. Когда мы после очередной тренировки Вольги сидели, вывалив языки, отдыхали, он сказал, что в первую очередь воюет, бьётся дух, а не тело. Физическое состояние можно подтянуть, но главное — это дух. Надо просто найти своё предназначение — тогда будет всё в порядке. Я над этим поработал, стал артиллеристом. В принципе, неплохо получается, говорят.

Он всегда нас поддерживал, всегда подбадривал, помогал во всём. Бывало, сидишь на позиции — промозглая погода, укры опять обстреливают... Заходит Пятница. Рассказывает что-то весёлое. Просто уже от того, что зашёл, — сразу настроение поднимается. Такой вот человек — душа компании. Не рубаха-парень, а именно душа.

Марс: Пятница — неутомимая натура. Он очень любил людей. Он до войны работал с трудными подростками. Вёл секцию фехтования, был преподавателем. Это настоящий педагог, от бога.

Та черта, которая была в принципе у всех ребят, погибших в тот день, — платить собой, жертвовать собой. Платить собой в этой жизни. Он платил постоянно. Непосредственно в подготовке и во время боевых действий выражалось это в том, что именно он инициировал что-то новое — строительство новых позиций, организацию взаимодействия с соседними подразделениями. Причём он не простоставил задачу, разворачивался и уходил. Он, поставив задачу, сам брал мешок, насыпал его песком и таскал направне со всеми, а может, даже и больше.

Орион: Пятница... Жизненная энергия из него прямо струилась. Было очень интересно с ним общаться. Мы несколько раз с Техасом приходили с нашей позиции на его позицию, и потом вместе с ним, втором, отправлялись по каким-

то делам, по хозяйству. Как-то раз идём все трое к нему на позицию, все нагруженные. Пятница бежит, как будто он налегке, хотя он так же нагружен, как и мы, — тащит и РПГ-7, и выстрелы, и бронежилет, и всё остальное, но движется при этом очень быстро. А мы с Техасом еле-еле плетёмся. Он поворачивается и говорит: «Медленно перемещаетесь, товарищи американцы! Давайте побыстрее — мины летают». А мины действительно летают, недалеко разрываются.

Ну, ничего — дошли нормально. И оказались у Пятницы на позиции. Тут Пятница говорит, что руки надо горячей водой помыть, да надо пообедать, надо то, надо сё. Я сижу, думаю: ну, как будто я к себе, к семье пришёл, а он как отец родной обо мне заботится. Это было удивительно — парень молодой вообще-то...

Газетчик: Во время похода на Пантелеймоновку мы дошли до Горловской трассы и там в лесочке перед ней разбили лагерь, спрятали броню. Уложились на караматы, спальники — кто где

упал. Очень уставшие все были, достаточно долгий был переход — целый день с утра до ночи. В сентябре по ночам уже было прохладненько. Я проснулся оттого, что кто-то меня теребит. А я накрыл спальником, потому что весь в него не залазил — в амуниции, в броне, в разгрузках... Прокидаюсь, а меня укутывает кто-то. Ну, отлично — спина теперь закрыта, тепло. Я сначала не понял даже, кто это делает. Прилёг, а потом думаю: кто это лазит тут, подбивает подушки? Смотрю — а это Пятница лазит между всеми, укутывает...

Щука: Во время боя Пятница очень достойно себя вёл. Тяжело вспоминать, конечно, эти минуты. Он был человек решительный. Даже после ранения не растерялся. Отдал правильную команду — занять оборону первого этажа и держаться именно там всеми силами, что мы в принципе и сделали. Это нас и спасло.

Хочу сказать спасибо его родителям. Я рад, что у меня в жизни был такой человек, как Пятница, с которым я общался, вместе воевал и делил

хлеб. Большое спасибо вам за то, что воспитали достойного сына, настоящего героя.

Лом: У Высоцкого жестокие слова сказаны, что смерть самых лучших забирает, выдёргивает по одному. Вот самых лучших у нас и выхватила: Пятницу, Болгарины, Белку... Для меня они всегда где-то рядом. Что-то вот делаешь и думаешь: «А что бы Жека сказал?» Это я про Пятницу.

Все они рядом, потому что наши мёртвые всегда с нами должны быть. Особенно те, которые погибли за одно дело. Они близкие люди нам были. Точнее, не *были*. Они и *есть* наши близкие.

Контрабас: Даже когда я их видел на прощании — не мог поверить, что их больше нет. Всё равно они где-то рядом. У нас БМП в батальоне называется «Пятница» — так, как мы обещали. Всё равно наш Бессмертный полк с нами — они нас поддерживают.

Петъка: Когда закрадывается мысль где-то схалтурить (никто не узнает), где-то что-то не доделать, — перед глазами братцы, которые не дают: нет, нельзя...

Марс: В первые часы, когда пришло сообщение о том, что Женя-Пятница погиб... тут дело даже не в том, что не хотелось в это верить или не хочется в это верить... Лично у меня — и подозреваю, что не только у меня, но и у всех, кто там присутствовал, но буду говорить сейчас за себя — было абсолютно точное ощущение, что это не так. Причём это не разум отказывался верить, а я точно знал, что он жив. Что все они трое — живы.

Потом мы разговаривали об этом с ребятами... Я считаю, что они в каком-то смысле находятся просто на других позициях. И лично для меня они живее всех живых, в особом смысле. То есть они для меня просто не погибли. Они продолжают эту войну. И иногда в моей жизни бывают такие ситуации, когда я начинаю соотно-

сить своё поведение или какой-то выбор, который мне предстоит сделать, с их мнением. Они... ну как сказать... не разговаривают, но смотрят. Во всяком случае, я это ощущаю.

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Моя гипотеза состоит в том, что весь этот сон Ганса Касторпа Томас Манн рассматривал как определённую полемику с Гёте. Причём, не просто с Гёте, а с его «Фаустом»

Минойская фреска найденная в 1914 г. при раскопках города Кносса на острове Крит и восстановленная Эмилем Гиллероном в 1927 г.
1525–1450 гг. до н. э.

Восхитившись дружелюбием и учтивой внимательностью как благородным началом, пронизывающим взаимоотношения приснившихся ему солнечных людей, герой «Волшебной горы» Ганс Касторп продолжает наблюдать за тем, что ему

снится в вещем сне. Я уже предупреждал читателя, что чрезмерная умилительность всего, что видит в этом сне Ганс Касторп, просто не может чуть позже не превратиться в свою противоположность. И потому, что Томасу Манну глубоко претит всяческая сладковато-пошловатая гламурная идилличность, и потому, что его ищущий герой, замерзая в снегу, ищет вовсе не этой идилличности. И было бы странно привести его в таинственный центр ледяной пустыни, погрузить в холод, при этом подпоив согревающим алкоголем, вызывать с помощью всех этих процедур, явно адресующих к древнейшим посвященческим традициям, некий сон и исчерпать данный сон такой идилличностью.

В России про подобное говорится: «За семь вёрст киселя хлебать». Прошу прощения, но гламурный сон с идиллическими древними греками, названными вдобавок солнечными людьми, Ганс Касторп мог бы увидеть и на уютном балконе того санатория, в котором он очутился

по воле автора и которому автор даёт неслучайное название «Волшебная гора». А коль скоро автор стремится увести героя подальше от этого уютного санатория, коль скоро он проводит героя через жестокое испытание и фактически ставит на грань жизни и смерти, то результатом данного «пограничного» обряда ну никак не может быть элементарная идиллия, про которую сразу же скажут: «Ну, начитался юноша разных славословий в адрес античности, принял горячительный напиток, и ему являются не вешие образы с их предельной глубиной, а прямые цитаты из прочитанных им когда-то умильностей на грекоантичную тему».

Впрочем, зачем мы будем слишком подробно обсуждать причины, по которым сон Ганса Касторпа не может иметь финала, аналогичного по умильности и слашавости всему тому, что я процитировал, начав знакомство читателя с вешиим сном Ганса Касторпа? Ведь у нас под рукой текст «Волшебной горы». И мы можем ознакомо-

миться с тем финалом сна Ганса Кастропа, который Томас Манн, этот великолепный знаток античности, предлагает читателям «Волшебной горы», явным образом вкладывая в финал и свою полемику с Гёте, и нечто большее.

Обсудив дух, положенный в основу существования тех, кого Ганс Кастроп называет солнечными людьми, указав на то, что под таким духом Ганс Кастроп подразумевает «искреннее дружелюбие и равномерно поделённую учтивую внимательность, пронизывающие взаимоотношения солнечных людей, эту скрытую под лёгкой усмешкой почтительность, которую они неприметно, лишь в силу властующей над ними общности чувств или вошедшей в плоть и кровь идеи, на каждом шагу друг другу высказывали», автор побуждает героя к продолжению знакомства с явленной ему во сне античной реальностью.

Продолжая это знакомство, герой встречается с молодой матерью, кормящей грудью мла-

денца: «Чуть поодаль на круглом замшелом камне в коричневом платье, спущенном с одного плеча, сидела молодая мать и кормила грудью ребёнка. И каждый проходящий мимо приветствовал её на особый лад, в котором сочеталось всё, о чём выразительно умалчивало поведение этих людей: юноши, при виде воплощённого материнства, быстро и ритуально складывали руки крестом на груди и с улыбкой наклоняли голову, девушки почти неуловимым движением сгибали колена, как сгибает их набожный прихожанин, проходя мимо царских врат. Но при этом они по несколько раз — живо, весело и сердечно — кивали ей головой. И это смешение обрядового благочиния и непринуждённого дружелюбия, да ещё неторопливая ласковость, с которой мать отводила глаза от своего малютки (облегчая ему труд, она слегка надавливала указательным пальцем грудь возле соска) и улыбкой благодарила тех, что воздавали ей почести, всё это

вместе взятое привело Ганса Кастропа в воссторг. Он никак не мог вдосталь наглядеться и только, волнуясь, спрашивал себя, не заслуживает ли суровой кары за это созерцание, за это подслушивание солнечно-благостного счастья, непосвящённый, кажущийся себе таким грубым, нескладным и безобразным».

Нетерпеливый читатель вправе развести руками и сказать, что я не выполнил своё обещание, не познакомил его ни с чем предельно контрастным по отношению к уже описанной картинке античного умильного гармонического бытия. «В лучшем случае, — скажет он, — эта новая картина может быть признана неоренессансной, этаким литературным аналогом всех картин великих художников Возрождения, на которых изображены мадонны с младенцами». Но, согласитесь, странно было бы с моей стороны пообещать нечто предельно контрастное к этому благолепию и не выполнить обещания. Я ведь читал «Волшебную гору», причём не раз и не два. За-

гадку этого сна Ганса Касторпа я пытался первый раз разгадать лет этак 50 назад. Кстати, частью этой загадки являются почти незаметные нарушения сладостного благолепия, осуществляемые автором до того, как он явит читателю нечто понастоящему антиблаголепное.

Ну, например, зачем автор говорит о том, что за усмешкой у солнечных людей скрывается некая почтительность? Усмешка-то им зачем нужна? Я мог бы обратить внимание и на другие интонационные, стилистические, лексические детали, нарушающие гламурность той части описания сна Ганса Касторпа, которая нами уже рассмотрена. Но зачем? Ведь уже в следующем фрагменте описания возникает обещанный мною очень резкий контрапункт, в котором сладостное благолепие превращается в свою противоположность. Столь подробное описание того, что предшествует этому контрапункту, мне нужно было для того, чтобы читатель в полной мере ощущил ту уважительную степенность, с ко-

торой автор выстраивает начальную часть своего описания. Автор, как мне представляется, явно вознамерился предложить читателю вначале некую квазигётевскую степенность и уважительность по отношению к античности. Автору это нужно и для того, чтобы неявная отсылка к Гёте была уловлена настоящими ценителями его текстов, и для того, чтобы контрапункт был достаточно мощным. Ведь если мощным не будет, так сказать, «некий пункт», то как придать мощность взрыву этого пункта, то бишь этому самому контрапункту?

Итак, мы переходим к контрапункту. Ганс Касторп вдруг улавливает на себе взгляд сидящего недалеко от него античного красивого мальчика. Поняв, что мальчик следит за ним, Ганс Касторп начинает следить за мальчиком. Начав за ним следить, он видит, что с красивого лица мальчика мгновенно сбегает «игравшая здесь на всех лицах улыбка учтивой братской внимательности». Что место этой улыбки занимает «суро-

вость, каменная, лишённая выражения, непроницаемая смертная замкнутость, от которой холодный пот прошиб уже успокоившегося Ганса Касторпа, ибо он начал догадываться, что она означает».

Опять обратив внимания читателя на то, что холодный пот пробивает Ганса Касторпа, которого автор называет «уже успокоившимся», задав читателю вопрос, с чего бы это, вообще-то говоря, Гансу Касторпу начать беспокоиться при виде умилых античных картин, которые автор с огромным мастерством насыщает почти неуловимым беспокойством, я продолжаю изложение того горького и страшного контрапункта, ради знакомства с которым мы обсуждаем предшествующую ему сладостную умилость.

Следуя взглядом за мальчиком, который смотрит куда-то с непроницаемой смертной замкнутостью, Ганс Касторп видит некий зловещий храм, его «могучие колонны без цоколя, сложенные из цилиндрических глыб и в пазах поросшие

мхом». Ганс Кастроп понимает, что эти колонны образуют врата храма. Он обнаруживает себя сидящим на широких ступенях, ведущих к этим вратам. Он идёт по этой лестнице, минуя колонны, обрамляющие этот вход, ему открывается сам храм «тяжёлый, серо-зелёный от времени, с крутым ступенчатым цоколем и широким фасадом, покоявшимся на капителях мощных, почти приземистых, но кверху утончавшихся колонн, над которыми то тут, то там торчал сдвинувшийся с места круглый обломок камня. С усилием, помогая себе руками и тяжело дыша, так как у него всё больше и больше теснило сердце, Ганс Кастроп добрался до леса колонн. Это была очень глубокая колоннада, и он бродил в ней, словно в лесу меж буковых стволов у белёсого моря, старательно обходя её середину. Но его поневоле тянуло к ней, и там, где колонны расступались, он очутился перед изваянием, перед двумя высеченными из камня фигурами на пьедестале, видимо,

изображавшими мать и дочь. Одна, сидящая, была старше, почтеннее. Весь её облик, облик матроны, светился величавой кротостью, только брови были скорбно сдвинуты над пустыми глазницами, туника складками ниспадала из-под её плаща, а на кудрявые волосы было наброшено покрывало; одной рукой она обнимала вторую фигуру, с округлым девичьим лицом и руками, спрятанными в складках одежды».

Пока что контрапункт носит сдержанный характер. Автор всего лишь указывает на смертную замкнутость взгляда мальчика, на супровость некоего храма, куда направлен взгляд этого мальчика, на скорбность сдвинутых бровей у изваяния матроны, которое он встречает на пути в храмовое святилище. Но всему своё время.

А пока я хотел бы обратить внимание читателя на невероятно точное и насыщенное деталями изображение храма и изваяний. Не кажется ли тебе, читатель, что Томас Манн не фантазиру-

ет, а описывает что-то из того, что он, как знаток античности, знает. Где-то Томас Манн видел эту скульптурную группу, в которой скорбная мать обнимала дочь. Где именно? На этот вопрос можно попытаться ответить, лишь досмотрев вместе с героем его сон до самого конца. Нам осталось уже немного.

Ганс Касторп созерцает эту скульптурную группу, состоящую из двух женских благородных фигур, одна из которых обнимает другую... Автор говорит, что при лицезрении этой группы сердце Ганса Касторпа «почему-то сжималось тяжёлым смутным предчувствием». Что ж, мы подходим к моменту, когда контрапункт из мягкого и сдержанного превращается в исступлённо яростный. Боясь верить своему тяжёлому смутному предчувствию, Ганс Касторп всё же обходит вокруг изваяния и движется дальше «вдоль двойного ряда колонн»... Опять же обратим внимание на точность описания и последуем за Гансом Касторпом. Ведь он, идя вокруг двойного

ряда колонн, должен куда-то прийти, на что-то натолкнуться, неправда ли? Ганс Кастроп наталкивается на некую металлическую (опять обратим внимание на точность описания) дверь, которая, как говорит Томас Манн, ведёт «во внутренность храма». Он открывает эту дверь и... «И у бедняги подогнулись колени от ужаса перед тем, что он увидел. Две седые старухи, полуồngые, косматые, с отвислыми грудями и сосками длиною в палец, мерзостно возились среди пылающих жаровен. Над большой чашей они разрывали младенца, в неистовой тишине разрывали его руками, — Ганс Кастроп видел белокурые волосы, измазанные кровью, — и пожирали куски, так что ломкие косточки хрустели у них на зубах и кровь стекала с иссохших губ. Ганс Кастроп оледенел. Хотел закрыть глаза руками — и не мог. Хоче бежать — и... не мог. За гнусной, страшной своей работой они заметили его и стали потрясать окровавленными кулаками, ругаться безгласно, но грязно и бес-

стыдно, да и ёщё на простонародном наречии родины Ганса Касторпа. Ему стало тошно, дурно, как никогда. В отчаянии он рванулся с места и, скользнув спиной по колонне, упал наземь — омерзительный гнусный шёпот всё ёщё стоял у него в ушах, ледяной ужас по-прежнему сковывал его — и... очнулся у своего сарая, лёжа боком на снегу, головой прислонившись к стене, с лыжами на ногах».

Досмотрев до конца сон Ганса Касторпа, мы ознакомились с тем, как мягкий, осторожный контрапункт с его колоннадами и матронами переходит в контрапункт яростный, исступлённый, включающий в себя сочно описанное людоедство в качестве тайного жреческого обряда, осуществляемого чудовищными старухами-людоедками, пожирающими младенца как такую священную жертву. Знают ли об этом храме античные безупречные солнечные люди, гуляющие по берегу моря и учтиво кланяющиеся друг другу? Конечно, знают. Не только мальчик, с ко-

торым Ганс Кастроп встречается глазами, но и все они не могут об этом не знать. А раз они об этом знают и живут, то так ли безупречна их учтивость, умильность? И не вызвана ли внутренняя усмешка, с которой они даруют друг другу такую учтивость тем, что они знают нечто про свою небезупречность, про свою готовность степенно и благородно сожительствовать со всем этим ужасом?

А теперь я предложу читателю гипотезу, которая для меня внутренне несомненна. Я, знаете ли, иногда ощущаю очень немногие из своих гипотез как утверждения, на обоснование которых может уйти вся жизнь, но которые для меня обоснования не требуют. Я просто знаю, что эти утверждения верны, и всё. И я бы, конечно, хотел, чтобы моя гипотеза была доказана. Я совершенно не в восторге от подобных своих инсайтов. Но, поскольку этих инсайтов у меня немного, а времени на их доказательство вообще нет, то я рискну сформулировать свою гипотезу, оговорив, что статус несомненности она имеет только для ме-

ня. Что в силу применяемого мною в этом исследовании метода, я имею право сообщить читателю о том, что эта гипотеза обладает для меня — и только для меня — статусом чего-то несомненного. Я вовсе не призываю читателя относиться к ней так же. Читатель может начать рассматривать её подробнее, что-то уточнять и доказывать, может мне поверить, а может эту гипотезу использовать в качестве пометки на полях, этакой «*nota bene*».

Моя гипотеза состоит в том, что весь этот сон Ганса Касторпа Томас Манн рассматривал как определённую полемику с Гёте. Причём, не просто с Гёте, а с его «Фаустом». И не просто с «Фаустом», а с теми Матерями, к которым Мефистофель отправляет Фауста, дабы с их помощью он мог воскресить и привести в императорский дворец Елену Прекрасную. Томас Манн знает о том, откуда Гёте взял этих самых Матерей.

Ему в деталях известно всё, что касается города Энгий, находящегося на севере Сицилии у ре-

ки Монала. Этого города, построенного древними жителями Крита. Причём, жителями, которые определённым образом укоренились в Сицилии. По одной из версий, этот город Энгий находился в древности там, где сейчас находится сицилийский город Ганджи.

Критскую, а точнее крито-минойскую тему, касающуюся этого города а также основанного некими древними крито-минойцами храма Матерей, приходится излагать сразу в нескольких версиях.

Жил да был некий Мерион, критянин, один из героев Троянской войны. По преданию он являлся сыном Мельфиды и Мола. Гомер в своей «Илиаде» говорит по поводу этого самого Мола следующее:

Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик:

В Кноссе живущих мужей, в укреплённой стенами Гортине,

Ликт населявших, Милет и град белокаменный

Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
Был воеводою Идоменей, знаменитый копейщик,
И Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;
Осьмидесят чёрных судов принеслося под критской дружиной.

Сообщив читателю, что Эниалий являлся в микенскую эпоху самостоятельным греческим божеством, а в классической греческой мифологии под этим именем фигурирует бог войны Арес, я перехожу к анализу других упомянутых Гомером героев.

Как мы убедились, Мерион и впрямь упомянут, причём в качестве невероятно могучего героя, равного по своей губительности самому богу Аресу.

Мерион, сын Мола, сводного брата Идомея. Мол — сын критского царя Девкалиона, пережившего потоп. Есть версии, согласно которым этот самый Мол был одним из незаконнорождённых сыновей критского царя Миноса, сына бога Зевса и Европы.

Таким образом, Мерион — это внук Миноса. А поскольку в мифах всегда отсутствует однозначность, то он по одним версиям внук Миноса, по другим — сын вовсе не Мола, а бога войны Ареса. В любом случае, специалисты по древнегреческой мифологии сообщают нам, что Мерион привёл под Трою 40 кораблей, что он убил 7 троянцев, что он сидел в Троянском коне. Кое-кто из этих специалистов утверждает, что имя Мерион (производное от мерос — бедро) адресует к крито-минойскому обычью мужеложества, и что именно в силу этого Мерион был похоронен вместе с Идоменеем так же, как Ахилл вместе с Патроклом.

По одной из версий, Мерион вернулся на ро-

дину и похоронен вместе с Идоменеем в Кноссе, причём совместная гробница Мериона и Идоменея особо почиталась в древние времена. Как утверждает Диодор Сицилийский, критяне приносили этим героям жертвы.

По другой версии, которая является для нас более важной, Мерион после взятия Трои попал на Сицилию. И не абы куда, а именно в город Энгий, основанный критянами, укоренившимися в Сицилии вместе с Миносом.

Вот что сообщает Диодор Сицилийский по поводу этого укоренения крито-минойцев в Сицилии.

Как мы помним, Дедал, великий античный художник и инженер, построивший знаменитый критский лабиринт для царя Миноса, был изгнан из Афин и получил приют от великодушного критского царя. Дедал помог жене Миноса Пасифае удовлетворять свою страсть к быку, изготовив деревянную корову, обшив её шкурой и выставив на луг, где ею мог прельститься не деревянный,

а натуральный бык. Теша властителей и властительниц Крита подобными шедеврами своего искусства, Дедал вскоре ощутил, что он является пленником критских властителей, которые вовсе не хотят, чтобы Дедал кому-либо мог поведать о своей роли в утехах царствующего дома.

Дедал решил бежать вместе со своим сыном Икаром. Для этого он соорудил ещё один шедевр инженерного искусства — искусственные крылья. Сын Дедала — Икар — как читатель, видимо, помнит, слишком близко подлетел к Солнцу, расплавившему воск, которым Дедал пользовался при создании крыльев, сам же Дедал прибыл в Сицилию и там спрятался от преследований Миноса.

Минос, стремясь обнаружить местонахождение Дедала, предложил огромную награду тому, кто выполнит сверхсложное инженерное задание. Он понимал, что выполнить это задание может только Дедал. Сицилийский царь Кокал, спрятавший Дедала, прельстился наградой, кото-

ную Минос обещал тем, кто выполнит это сверхсложное задание. Дедал подсказал Кокалу, как надо выполнять задание, заключающееся в том, чтобы пропустить нить через все извилины раковины. Кокал выполнил задание, а Минос, вместо того, чтобы выплатить награду, обещанную за выполнение задания, потребовал, чтобы Кокал выдал Дедала. Не желая выдавать Дедала, Кокал заманил Миноса в Сицилию, дал пир в его честь, во время пира утопил Миноса в кипячке и сказал критянам, что Минос поскользнулся и упал в горячую воду. Миноса пышно похоронили.

Сообщив обо всём этом, Диодор Сицилийский далее повествует о судьбе крито-минойцев, оказавшихся на Сицилии вместе с Миносом: «*После гибели Миноса оказавшиеся на Сицилии критяне взбунтовались по причине безнадеяния, а поскольку подвластные Кокалусиканы сожгли их корабли, они перестали думать о возвращении на родину и решили поселиться на Сицилии.*

Часть их основала город, названный по имени царя Миноей, а прочие отправились во внутреннюю часть острова и, захватив хорошо защищённую природой местность, основали там город, названный, как и протекавший в городе источник, Энгием».

Итак, по версии Диодора Сицилийского, крито-минойцы находятся в сицилийском городе Энгий аж со времён Миноса. И Мерион, попадая на Сицилию (а Диодор Сицилийский настаивает на данной версии), оказывается на территории, контролируемой с давних пор его сородичами. Вот, что говорит по этому поводу Диодор Сицилийский: «Позднее, уже после взятия Трои, когда критянин Мерион попал на Сицилию, критских пришельцев приняли в этом городе и по причине родства сделали своими согражданами. Совершая нападения из укреплённого города и подчинив себе часть окрестного населения, они овладели довольно обширной областью. Могущество их постепен-

но возрастало, и впоследствии они воздвигли святилище Матерей и стали воздавать этим богиням великие почести, украшая святилище многочисленными посвятительными дарами».

Итак, мы убеждаемся в непростоте этих самых гётеевских Матерей, в том, что они прочнейшим образом связаны с минойским Критом, то есть с доахейской, причём не пеласгической, а иной древнейшей культурой средиземноморья.

Диодор Сицилийский настаивает на особой связи между теми Матерями, для почитания которых был воздвигнут храм в Энгии, и крито-минойской цивилизацией: «Почитание этих богинь, как говорят, пришло с Крита, поскольку и критяне почитают их особо.

Миф гласит, что в прадавние времена они воспитали Зевса втайне от его отца Крона, и за это Зевс взял их на небо и превратил в созвездия, называемые Медведицами. С этим согласен и Арат (Арат из Сол, древний дидактический поэт, жил в IV в. до н. э.)

ский поэт, описывавший различные природные явления — С.К.), говоря в своей поэме о созвездиях следующее:

«Стали, плечом повернувшись к плечу. Коль правдиво преданье,

С Крита они сообразно веленью великого Зевса
Вместе на небо взошли, поелику Зевеса-
младенца

«Подле Идейской горы в благовонной пещере
Диктейской

В оное время хранили, питая в течение года,»
Кrona когда в заблужденье вводили диктейцы
куреты.

Следует упомянуть также о благоговении и почтении, которое испытывают к этим богиням люди. Почитают их жители не только этого города, но и расположенных окрест местностей, принося им великолепные жертвы и оказывая также другие почести. При этом некоторым из городов почитать богинь вели изречённые пифией прорицания, согласно

которым и жизнь их граждан будет счастливой, и сами города будут процветать. Наконец, почитание этих богинь стало столь значительным, что местные жители посвящали им золотые и серебряные дары, почитая их так вплоть до времени написания настоящей истории. В честь этих богинь воздвигли храм, не только значительный своими размерами, но и восхитительный роскошью постройки. Не имея в своей области подходящего камня, они привезли его из владений соседних с Агирием, хотя расстояние между этими городами составляет около ста стадиев, а дорога, по которой нужно было везти камень, — крутая и совершенно не приспособлена для движения. Для этого были сооружены четырёхколёсные повозки, на которых камень везли сто пар быков. Но поскольку город благоденствовал, располагая множеством священных денег, щедрость, присущая благоденству, и позволила не считаться с расходами. Незадолго до нынеш-

них времён богиням принадлежали три тысячи священных коров и обширные земельные владения, приносившие огромные прибыли».

Цитирую так подробно Диодора Сицилийского для того, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений касательно нефантастичности и неслучайности этих самых гётевских Матерей, чьё святилище в Энгии было очень знаменитым. Кстати, по преданию, в этом святилище хранились не только доспехи Мериона, но и доспехи Одиссея.

Специалисты спорят по поводу того, где именно находился древний Энгий. Там ли, где сейчас находится современный сицилийский город Ганджи, или в других местах. Но укоренённость гётевского образа Матерей в реальной античности после того, что мы обсудили, уже не должна вызывать сомнений. Вряд ли остаются и сомнения в том, что древнейшая и достаточно зловещая крито-минойская цивилизация вполне могла содержать в своей сокровенности те людоед-

ские жертвенные обряды, которые описал Томас Манн в сне Ганса Касторпа. Точность манновского описания очевидна. Очевидно и то, что Манн является блестящим — и именно блестящим — знаком и творчества Гёте, и античных сокровенных религиозных традиций.

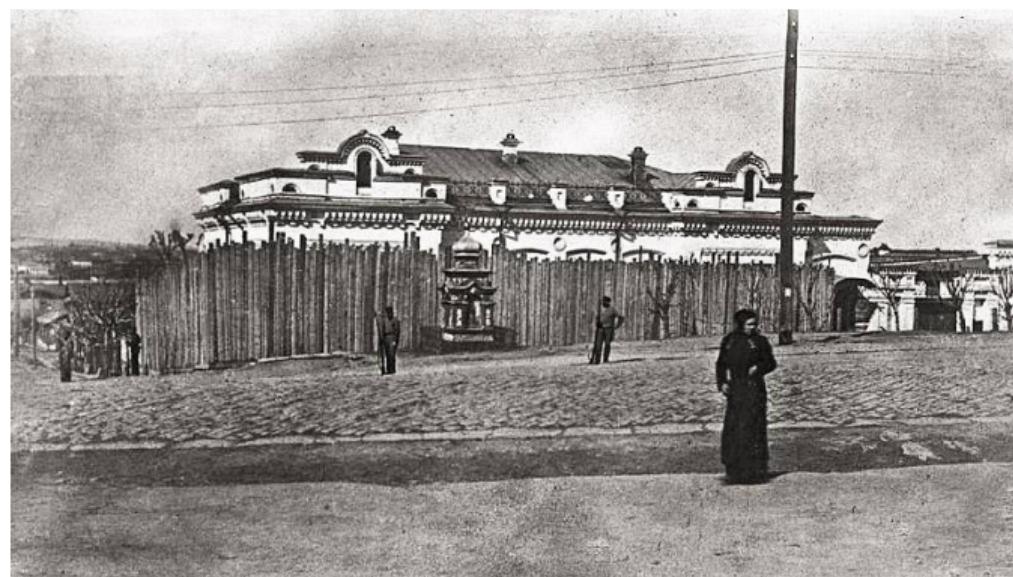
(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Война с историей

Хотел ли Войков взорвать царский поезд, или Можно ли верить показаниям эсера Саковича?

Да и можно ли вообще считать доказательством показания, если их выбивают у своего врага колчаковцы, применяя весь арсенал наработанных ими специфических средств дознания?

Доме Ипатьева, в котором царская семья жила с 28 апреля по 17 июля 1918 г. и была расстреляна

В статье «Белые бесы», вышедшей в газете «Суть времени», рассматривалась фигурирующая в деле об убийстве Романовых справка следователя В. Н. Соловьёва «об участии П. Л. Войкова в событиях, связанных с гибелью Семьи Императора Николая II в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года». Данная справка датиро-

8 ноября 2015 года выдержки из этой справки были опубликованы в газете «Московский комсомолец» под кричащим заголовком *«Следствие считает доказанным участие Войкова в убийстве Романовых»*. Однако если прочитать справку Соловьёва целиком, то мы отнюдь не увидим в ней столь категоричных утверждений о доказанности участия Войкова в убийстве.

А 17 ноября сам Соловьёв на сайте ИА REGNUM и 18 ноября на сайте «Совершенно секретно» опроверг навязанные ему выводы и заявил прямо обратное.

В публикации «МК» приводится один малоизвестный факт. Ссылаясь на справку Соловьёва, газета заявила, что Войков якобы *«28 апреля 1918 года участвовал в принятии решения об организации крушения поезда, в котором император, императрица и их дочь Мария направлялись в Екатеринбург»*.

Характерно, что в справке не упоминается ис-

точник информации о поезде, тогда как другие пункты обвинений подтверждены теми или иными цитатами. На самом деле эпизод с поездом известен по протоколу допроса Николая Арсеньевича Саковича, комиссара здравоохранения Уральской области, левого эсера. Допросы эсера были проведены белогвардейцами.

Стоит разобраться, можно ли доверять такому источнику как Сакович.

Во-первых, показания Николая Саковича носят очевидным образом не вполне искренний характер. Согласитесь, в этом трудно обвинить человека, дающего показания на допросе своим врагам. Да и можно ли вообще считать доказательством показания, если их выбивают у своего врага колчаковцы, применяя весь арсенал наработанных ими специфических средств дознания.

Во-вторых, эти показания противоречат показаниям других участников событий.

И, в-третьих, эти показания кое в чём не подкрепляют, а разрушают антисоветские белогвар-

Начнём с рассмотрения неискренности обсуждаемых показаний. К примеру, комиссар Сакович утверждал на допросе у белых, что он лишь сочувствовал партии левых эсеров, а до революции был чуть ли не монархистом. То есть Сакович говорит, что он случайно стал комиссаром и никакого участия ни в чём не принимал. Приведём цитату из протокола допроса Саковича о подготовке крушения поезда:

«Я случайно был приглашён на совещание совета комиссаров перед перевозом Царской фамилии в гор. Екатеринбург из Тобольска. Совещание происходило в Волжско-Камском Банке, в маленькой комнатке, исправляю, что совещание было на Коробковской улице, в белом двухэтажном доме на левой стороне, если идти от центра города, кажется, в первом квартале. Это было в марте или апреле. Так как дело не касалось здравоохранения, я не принимал участия в разговорах и читал газету. Я лишь

Хотел ли Войков взорвать царский поезд ... 99
слышал, как говорили о необходимости перевода и о том, подвергнуть ли поезд крушению или охранять его от провокаторского крушения, что-то было в этом роде. Когда стали голосовать, я отклонился от голосования и объяснил, что это к здравоохранению не относится. В этом собрании были все указанные выше комиссары, а может быть, кого-нибудь не было. Я помню хорошо, что были Голощёкин, Белобородов, Сафаров и Тундул, **Войков** (выделено мною. — И. Ч.). Всего было человек 7 или 8».

На другом допросе Сакович более конкретно сформулировал тезис о подготовке крушения и, конечно, о своём неучастии в этом:

«Явившись на собрание, я протестовал против своего присутствия здесь, но это не помогло, и я остался и был очевидцем отвратительных сцен: например, был возбуждён вопрос, кем не упомню, о том, чтобы устроить при переходе бывшего Царя крушение. Вопрос этот даже баллотировался, и было решено перевезти

Хотел ли Войков взорвать царский поезд ... 100 из Тобольска б. Государя в Екатеринбург. Помню, я случайно узнал, что по вопросу о перевозке б. Царя в Екатеринбург была какая-то переписка с центром большевистской власти и от центра было ясно сказано, что за целость б. Государя Екатеринбургские комиссары отвечают головой (выделено мною. — И. Ч.). Судьба б. Государя мне не известна, ибо больше я никем по вопросу о б. Государе никуда не приглашался и не был осведомлён».

То есть Сакович утверждает, что он не хотел, но оказался на заседании «совета комиссаров», на котором обсуждался вопрос о крушении поезда. Сам же допрашиваемый якобы сидел в стороне и читал газету, уклонившись от голосования. На этом же собрании присутствовал и Войков. Отметим: Сакович говорит, что вопрос о крушении поезда только обсуждался, и от этой затеи тогда же было решено отказаться.

При этом показания Саковича вступают в противоречие с другими описаниями тех же собы-

тий. Например, стоит учесть следующие воспоминания П. Быкова, бывшего до мая 1918 года главой Екатеринбургского совета:

«На заседаниях областного Совета вопрос о расстреле Романовых ставился ещё в конце июня. Входившие в состав Совета левые эсеры Хотимский и Сакович (оставшиеся в Екатеринбурге при белых и расстрелянные ими) и другие были, по обыкновению, бесконечно «левыми» и настаивали на скорейшем расстреле Романовых (выделено мною. — И. Ч.), обвиняя большевиков в непоследовательности».

Этого же вопроса касается участник убийства царской семьи М. А. Медведев (Кудрин):

«На собраниях и митингах на заводах Верх-Исетска рабочие прямо говорили:

— Чегой-то вы, большевики, с Николаем нянчитесь? Пора кончать! А не то разнесём ваш Совет по щепочкам!

Такие настроения серьёзно затрудняли формирование частей Красной Армии, да и сама

угроза расправы была нешуточной — рабочие были вооружены, и слово с делом у них не расходилось. Требовали немедленного расстрела Романовых и другие партии. *Ещё в конце июня 1918 года члены Екатеринбургского Совета эсер Сакович и левый эсер Хотимский (позже — большевик, чекист, погиб в годы культа личности Сталина, посмертно реабилитирован) на заседании настаивали на скорейшей ликвидации Романовых* (выделено мною. — И. Ч.) *и обвиняли большевиков в непоследовательности. Лидер же анархистов Жебенев кричал нам в Совете:*

— *Если вы не уничтожите Николая Кровавого, то это сделаем мы сами!»*

Итак, по свидетельствам Саковича сам он был, что называется, ни при чём. А по свидетельствам М. А. Медведева (Кудрина) и П. Быкова Сакович сам громче других кричал о необходимости скорейшей расправы над Романовыми. Хотя бы поэтому полное доверие к показаниям Са-

ковича было бы опрометчивым. Можно смело предположить, что комиссар выгораживал себя, что, собственно, делает почти любой допрашиваемый.

Но если Сакович даёт неверную информацию в вопросе о своей роли, то почему надо верить его информации о том, что касается роли других, включая Войкова, якобы готовившего крушение поезда с царской семьёй?

Кстати, в связи с Саковичем всплывает ещё одна характерная деталь. Исследователь Михаил Хейфец в книге «Цареубийство в 1918 году» пишет о том, что Сакович (казалось бы, такой важный свидетель) был допрошен только судьёй Сергеевым (помощником главного следователя белогвардейцев — Соколова). Сам же Соколов **«вообще ни разу не допросил Саковича, слишком показания того не совпадали со следственной версией. По словам Дитерихса, «доктор Сакович умер в июне 1919 года в Омской тюрьме от скоротечной чахотки. Он умер в тот са-**

*Хотел ли Войков взорвать царский поезд ... 104
мый день, когда за ним прибыл караул для от-
вода его на допрос к следователю Соколову»
(выделено мною. — И. Ч.), меньше, чем через год
после ареста».*

Смерть в тюрьме в день, когда человека пришли допрашивать... Не правда ли, странный сюжет? Михаил Хейфиц видит разгадку в том, что белогвардейский следователь Соколов стремился подогнать факты под нужную ему версию, а показания Саковича его не удовлетворяли.

Во втором протоколе допроса Сакович упоминает о том, что «*по вопросу о перевозке б. Царя в Екатеринбург была какая-то переписка с центром большевистской власти и от центра было ясно сказано, что за целость б. Государя Екатеринбургские комиссары отвечают головой* (выделено мною — И. Ч.)». Возможно, как раз эти слова Саковича не устраивали Соколова? Ведь ему нужно было всю вину возложить на большевистский центр.

Долгое время реплика допрошенного комис-

сара об указании центра сохранить жизнь царю вызывала недоумение. Однако после того как вся история с перевозкой Романовых из Тобольска вышла на поверхность, появилось много сведений о действительном давлении Москвы на уральских большевиков с требованием сохранить жизнь царской семье. Достаточно вспомнить телеграмму Свердлова чрезвычайному комиссару по перевозке Романовых Яковлеву, в котором глава ВЦИК сообщает Яковлеву о том, что «с уральцами сговорились. Приняли меры — **дали гарантии личной ответственностью областников** (выделено мною. — И. Ч.)».

Таким образом, эсер Сакович — дважды неудобный для сегодняшней антивойковской кампании свидетель.

С одной стороны, протоколы его допросов свидетельствуют о требовании Москвы сохранить жизни Романовым, что подтверждается множеством других источников.

С другой стороны, информация Саковича об

участниках обсуждения подготовки крушения поезда с Николаем II (идея, от которой, повторим, в любом случае отказались) расходится с показаниями других свидетелей. А ведь версия об участии Войкова в подготовке крушения держится только на свидетельствах явно врущего по данному вопросу Саковича. То есть «поездным» аргументом против Войкова, покамест он не подтвердится кем-либо помимо Саковича (что на-вряд ли), оперировать, мягко говоря, странно.

Иван Черемных

Белые бесы — 2

Откровенные высказывания на тему недостаточной внятности пропаганды зазвучали уже во время голосования на «Активном гражданине», когда стало ясно, что оно клонится в «не ту» сторону

Сбор подписей против переименования станции метро «Войковская»

Истеричные атаки нашего либерального и белогвардейского политического лобби на фигуру Петра Войкова, которого решено было сделать ответственным за убийство Николая II и всей царской семьи, не стихают, несмотря на явное нежелание народа их поддерживать.

Запущенное мэрией Москвы голосование на интернет-портале «Активный гражданин» завершилось 22 ноября. В нём приняли участие 304 074 человека. 7,38% — затруднились с ответом. 4,87% — оставили решение вопроса за специалистами. 34,65% — поддержали переименование. И, наконец, 53,10% — высказались за сохранение названия.

Разумеется, подобные результаты голосования не могли понравиться борцам за переименование Войкова. Их коллективная реакция последовала незамедлительно.

Уже в день завершения голосования на радиостанции «Говорит Москва» глава фонда «Возвращение» (одного из главных инициаторов кампании по переименованию) Юрий Бондаренко утверждал: *«Так не бывает, чтобы после высказываний министра культуры, Алексея Пушкина, Дмитрия Киселёва ничего не поменялось. Так не бывает, когда люди авторитетные призывают. Это столичные власти выставили нуж-*

ные им цифры на «Активном гражданине».

Бондаренко, безусловно, лукавит, когда говорит, что «ничего не поменялось» после упомянутых им высказываний. Мы отслеживали голосование ежедневно и отметили, что, например, первая передача Киселёва увеличила количество сторонников переименования примерно на 2% и на такую же цифру снизила процент защитников «Войковской».

На следующий день, 23 ноября, весьма интересное предположение в интервью «Интерфаксу» высказал глава фонда «Мемориал» Арсений Рогинский: *«Большинство не знает, кто такой Пётр Войков. В случае небольших усилий со стороны власти, проведения двух просветительских телевизионных или радиопередач всё бы изменилось».*

«Демократично», нечего сказать. «Тёмный народ» якобы ничего не знает, но усилия со стороны власти и две «просветительские» передачи — известным образом, понятно, сфаль-

сифицированные — помогут решить проблему... Ну, а как же — «просветительство» Киселёва? Как же — усилия аж самого министра культуры?.. Господа либералы и белые явно пытаются в версиях, не желая признать очевидное: ну не хочет народ в очередной раз «вестись» на очерняющие мульки, и ничего тут не поделать.

Интересно, что откровенные высказывания на тему недостаточной внятности пропаганды зазвучали уже во время голосования на «Активном гражданине», когда стало ясно, что оно клонится в «не ту» сторону. Так, 12 ноября на пресс-конференции в Доме русского зарубежья им. Солженицына первый зампредседателя Комиссии по культуре Общественной палаты РФ М. Ю. Лермонтов сожалел: «Если бы там была впереди оценка этого человека как преступника... Согласны ли вы оставить название станции имени преступника? Конечно, люди бы начали думать о том, за что они голосуют».

То биши новый рецепт «демократичного» го-

лосования по Лермонтову: назвать поставленное на голосование лицо таким «просветительским» эпитетом как «преступник» — и «дело в шляпе»: формирующий опрос сформирует «правильное» общественное мнение.

Справедливости ради надо признать, что хотя Войков не назывался на «Активном гражданине» преступником, пропаганда при голосовании на этом ресурсе вполне велась. Из 16 экспертных высказываний, выложенных в качестве сопровождающего материала, больше половины были в пользу переименования: 9 — однозначно «за», 5 однозначно «против» и ещё два скорее «за», чем «против». При этом 7 из 9 мнений «за» содержали отсылки всё к той же фальшивке автора «книг для идиотов» Беседовского, «На путях к термидору», о которой мы уже писали в прошлой статье.

После объявления отрицательных результатов голосования по переименованию «Войковской» инициаторы кампании спешно начали ис-

кать пути «достойного» выхода из положения.

Наиболее оригинальным способом отступления стала статья Анатолия Степанова, появившаяся 24 ноября на сайте «Русской Народной Линии». Отметив, что результаты голосования свидетельствуют о «сокрушительном поражении православных», Степанов заявил: *«Главный урок, на мой взгляд, состоит в том, что антисоветизм и антисталинизм не принимаются народной совестью (выделено Степановым. — В. П.). И не надо укорять народ в неразвитости, безграмотности и непросвещённости. Народное нравственное чувство всегда находится на высоте. Народ как совокупный субъект истории всегда остро чувствует несправедливость и всегда точно «расставляет все точки над i».*

Памятая о том, как сильно с течением времени может меняться мнение г-на Степанова, сложно ожидать, что процитированные слова являются его окончательной позицией. Тем более, что

главный подвох тут в оговорке о том, что голосование привело к «поражению православных»... Но ведь подавляющее большинство православных, г-н Степанов, — вовсе не исступлённые белогвардейцы, а часть того самого народа, который, как вы совершенно справедливо замечаете, по совести отвергает антисоветизм, так что никакое это не «поражение».

Другие члены антивойковского лобби, причастные власти, задались вопросом: как бы станцию «переименовать, не переименовывая». Один из инициаторов голосования, депутат района Войковский Александр Закондырин предложил: *«На мой взгляд, нужно искать компромисс, для того чтобы не раскалывать общество. Например, станцию метро («Войковская») не переименовывать, новую железнодорожную станцию «Войковской» не называть, а найти какое-нибудь третье название, например, «Петербургская» или «Глебово». И, соответственно, ТПУ назвать двойным назва-*

нием: «Войковская-Глебово» или «Войковская-Петербургская».

Особенно впечатляет второе, совмещающее несовместимое, название — «Войковская-Петербургская»: если уж нельзя имя Войкова просто уничтожить, так хоть дореволюционное название «Петербург» к нему приклейте (по известной цитате из классика, «если ничего нельзя, то хоть кошку можно?»)!

«Демократичность» высказываний проигравшей стороны после голосования была столь красноречивой, что даже мэр Москвы С. Собянин отметил 2 декабря на VII Московском гражданском форуме: «*Я не мог допустить даже мысли, что нашим великим демократам не понравится голосование. Это для меня было откровением*».

Что же касается реального исторического просвещения на тему Войкова, то наши бело-либералы удивительным образом «не заметили» двух интервью со следователем В. Соловьёвым, опубликованных 17 ноября на портале ИА

REGNUM и 18 ноября на сайте издания «Совершенно секретно». Между тем следователь, как человек высокопрофессиональный, не оставил камня на камне от фальшивки Беседовского и добавил немало деталей к истории событий июля 1918 года.

Суммируем то, что сказал Соловьёв:

- известно только то, что вместе с остальными членами Уралоблсовета Войков голосовал за расстрел Николая II. Никаких документальных подтверждений тому, что принималось решение о расстреле всей семьи Романовых, — нет;
- Будучи главным снабженцем Урала и в этом качестве занимаясь эвакуацией промышленных мощностей и ценностей из Екатеринбурга, Войков в то время был крайне занят своими непосредственными обязанностями. Поэтому говорить о его личной причастности к убийству, по меньшей мере, странно;
- Следственный комитет не имеет юридических

оснований причислять Войкова к организаторам и исполнителям убийства. Тем самым Соловьёв подтвердил своё же заключение от 1998 года, когда следствие рассматривало дело Романовых.

При этом фиксированием неутешительных для очернителей Войкова фактов интервью Соловьёва не исчерпывается. На прямой вопрос журналиста «Совершенно секретно», чем, по мнению следователя, вызвана истерия вокруг названия станции, Соловьёв, никоим образом не замеченный в симпатиях к большевикам, дал удивительный по точности и честности ответ: «Я думаю, это часть старого замысла — выкинуть Ленина из Мавзолея. Сначала создаём истерику вокруг видных большевиков, демонизируем их, потом переходим к главному символу на Красной площади. Всё же логично: Войков, по версии раздувателей истерики, расстрелял царскую семью, а Ленин, по их же версии, отдал приказ. Так что мы только в начале этой хорошо орга-

низованной кампании. Не случайно к этой кампании присоединяются и федеральные каналы, и статусные историки».

Хотелось бы подчеркнуть, что приведённые выше слова принадлежат не лицу, твёрдо отстаивающему советские ценности или плохо ориентирующемуся в том, что касается убийства Романовых. Эти слова принадлежат человеку, относящемуся крайне сдержанно к советскому периоду, специалисту, предельно компетентному во всём, что касается убийства Романовых. Ну кто может быть компетентнее в этом вопросе, чем следователь, профессионально занимающийся в течение длительного периода именно убийством Романовых?

За время проведения голосования на «Активном гражданине» члены Московской организации «Сути времени» собрали на одиночных пикетах и подготовили к сдаче без малого 10 000 живых подписей граждан под обращением против переименования «Войковской», на имя мэра

Москвы. Большинство из наших подписантов живёт в Войковском районе.

В случае, если кампания по смене названия станции разгорится вновь, переименователям придётся признать, что против них не только результаты виртуальных голосований, но и мнение улицы. И никакие призывы к включению административно-властных рычагов одержать победу над историей и мнением народа не помогут.

Владимир Переборенко

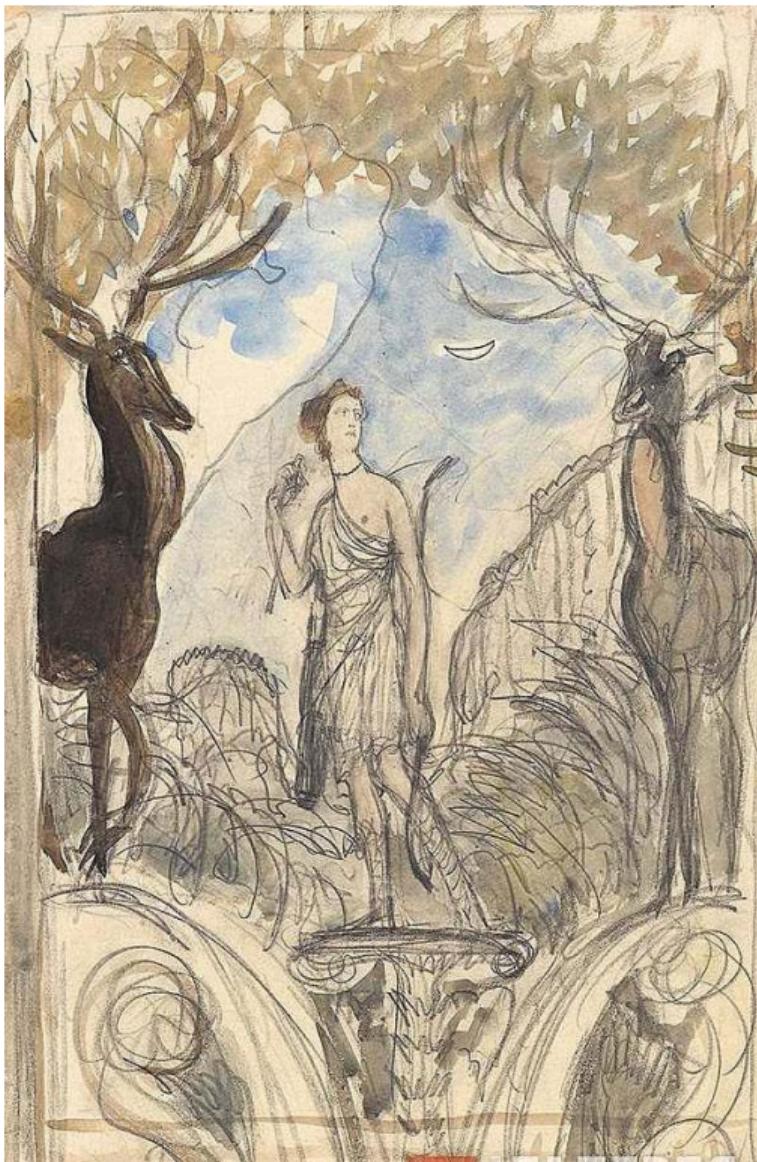
Культурная война

Десоветизация живописи — VI

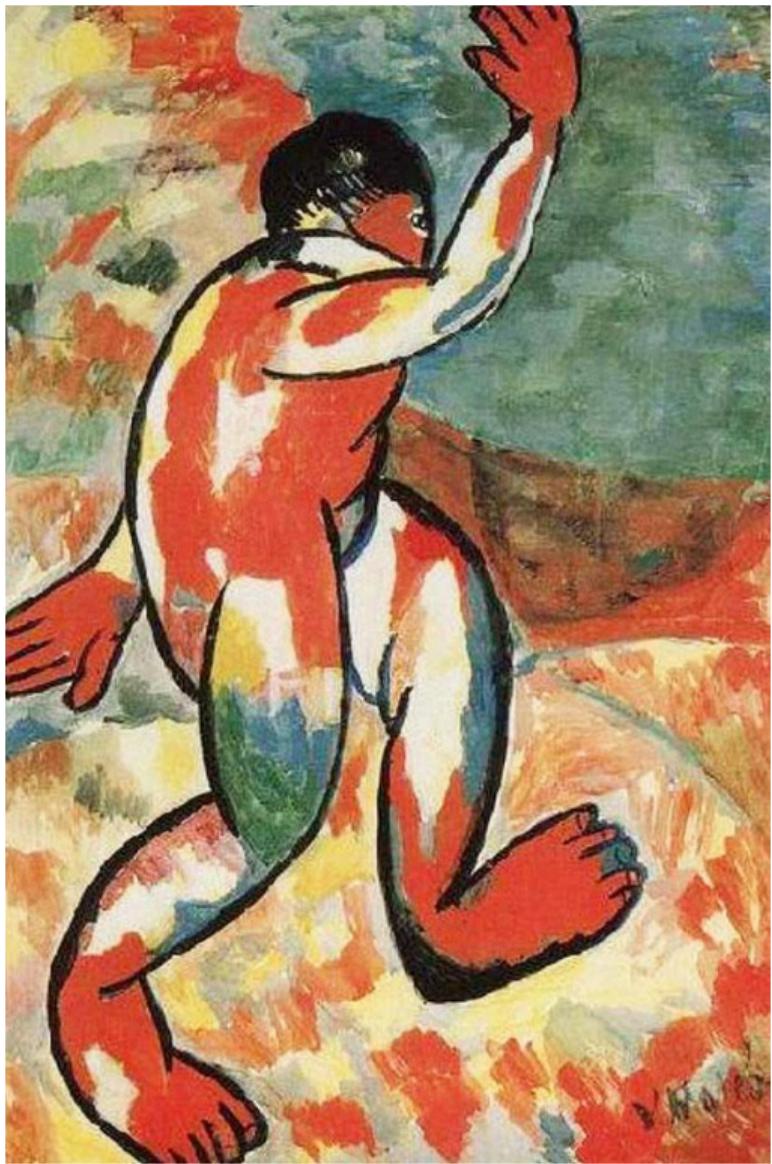
Выставка пользуется огромным (абсолютно предсказуемым) успехом и распродаваемые граждане, наслаждаясь великим мастерством Серова, доверчиво пьют подсовываемую им отраву

Довольные посетители выставки

В. Серов. Диана. 1911 г.

К. Малевич. Купальщик. 1911 г.

Если в предыдущих статьях речь шла о важных, но остающихся неизвестными посетителям выставки Серова особенностях его личности и творческого пути, то здесь мы рассмотрим, что и какими методами попытались сделать из художника её устроители.

Но прежде хочется подчеркнуть, что в наших предыдущих статьях не было откровений и плодов специальных изысканий: все приведённые материалы лежат на поверхности и опубликованы. Скажем, огромному влиянию Первой русской революции на отечественное искусство (и, в частности, на Серова), посвящена первая и самая большая глава труда искусствоведа Г. Ю. Стернина (1927–2013) (под руководством которого кое-кто из создателей выставки писал диссертации) — «Художественная жизнь России 1900–1910-х годов (М., 1988)».

Приведённые мной и, согласитесь, важные работы и факты биографии Серова безусловно известны и директору музея госпоже Зельфире

Трегуловой, которая писала по Серову диплом и даже ссылается в одном из интервью на «на замечательный двухтомник «Серов в дневниках, в воспоминаниях и переписке современников»... невероятный источник для понимания того, что же этот человек хотел сделать в искусстве и сделал». Этот двухтомник мы как раз активно цитировали.

Так что в какой-то степени тот подлог, который учинили на выставке Трегулова и её соратники, по моему разумению, подпадает под целых две статьи УК РФ: 140 (предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред законным интересам граждан) и 307 (заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод).

Ибо чем, как не заведомо ложными показаниями и сокрытием информации является превращение драматического пути отчаянно честного и противостоящего лжи современного ему

общества художника правды в потребительски-развлекательное шоу (что-то вроде музея восковых фигур мадам Тюссо) на тему «Россия, которую мы потеряли» с сопутствующим разворачиванием внимания зрителей в чуждом Серову направлении? Да ещё с информационным сопровождением вроде перлов уже полюбившейся нам внучки академика Лихачёва, на любом глазу вещающей по ТВ, что «показанная Серовым Россия соответствует идиллическим представлениям о жизни до революции... Вот уж действительно: «Балы, лакеи, юнкера...» (ну вы помните, дальше — про «шампанское и хруст французской булки»).

Какой уже тут Серов как «искатель истины», какие высшие идеалы, гуманность и честь, какой уже тут художник, который «выясняя правду и добиваясь справедливости... готов был идти до конца, ничего не боясь» (К. Коровин).

Причём провёрнута операция по деструкции Серова (а с ним и истории русского искусства),

надо признать, виртуозно. Выставка, конечно, пользуется огромным (абсолютно предсказуемым в любом виде) успехом, и распропагандированные граждане, наслаждаясь великим мастерством Серова, доверчиво пьют подсовываемую им отраву.

Не случайно так довольны, подхватив «тему» (наверное, опять по методичке), те самые «органы» СМИ, которые некогда «мочили» Саврасова и Левитана.

Так, и на «Эхе Москвы», и на «Свободе», и на других «белоленточных» сайтах широко расстиражированы восторги от «изумительной» экспозиции выставки Серова лучшего друга «Пусек» и порубателей икон правозащитника Ю. Самодурова, льющего крокодиловы слёзы по поводу трагической судьбы великолепно изображённых художником «представителей высшего слоя России: царской семьи, сенаторов, знаменитых адвокатов, меценатов, предпринимателей и их красавиц-жён, — социального

слоя, уничтоженного революцией».

Понятно, что на Россию (и «которую мы потеряли», и на нынешнюю) таким как Самодуров, наплевать. А в дореволюционной России ему бы за организацию выставок «Осторожно, религия» и «Запретное искусство» впаяли бы по полной (если бы «блестящий офицер» не зарубил при задержании), поскольку по законам Российской империи: Ст. 182 за богохульство в церкви — ссылка и каторжные работы до 20 лет, телесные наказания, клеймение; в ином публичном месте — ссылка и каторга до 8 лет, телесные наказания, клеймение». Но Самодуров в восторге: акт близкой ему по духу деструкции отечественной культуры совершён самой Третьяковской галереей.

Доволен и господин М. Ямпольский, мнение которого так же растиражировано теми же «органами», и который совсем уж откровенно раскрывает суть «прикола», осуществлённого на выставке. Для непосвящённых поясню, что

Ямпольский это такой альфа-самец-паук постмодернизма международного класса, профессор Нью-Йорского университета, по-своему феноменальный эрудит; по оценкам его поклонников — «гражданин мира», совершенный образчик космополита, в котором талмудическая традиция углублённого комментирования сочетается с «немецкой точностью» и т. д. Способный сходу «написать 60 страниц текста о 10-минутном фильме», он затянул в вязкую, бессолнечную паутину-«ризому» своих писаний («Демон и Лабиринт», «Беспамятство как исток», «Сквозь тусклое стекло», «Из хаоса» пр.) немало «кreakлов». Он занимается и политологией, опекая как киевских майданных, так и наших белоленточных «интеллектуалов».

Так вот, господин Ямпольский в своей политической статье «Последний год хубриса» уделяет внимание выставке Серова, на которой он просто «кайфовал», восхищаясь тем, как использовали **устроители** творчество этого «вообще гово-

ря, малоинтересного, придворного человека... показав такой бомонд... миф поздней Российской империи... возле каждого портрета краткая биография портретируемого, какая княгиня, или из какой семьи богатеев». «С одной стороны, должно нравиться начальству... с другой стороны, это всё-таки уважаемый художник». «Третьяковка нашупала интерес людей, который лежит вне искусства, а в какой-то чисто социальной плоскости... ходишь и кайфуешь... Это очень хитрый, хороший замысел администрации, они попали просто в десятку. Большой успех, всем нравится».

Что же касается «попадания в десятку», то тут он прав: «любознательный народ так и прёт», а эффект от выставки соответствует пожеланиям автора книги «Демон и лабиринт».

Давно интересуясь судьбой классики в восприятии современников, я просто не упомню такого количества бессодержательных, не имеющих отношения к сущности творчества художни-

ка отзывов. Конечно, Серов есть Серов и, слава богу, ещё остались люди, чуткие к искусству и имеющие внутреннее противоядие против вешаемой им на уши лапши.

Но сколько же среди множества отзывов на выставку восторгов, по выражению иных авторов, совершенно «диких», вроде — «была на шикарной выставке Серова — безумно понравилось». Больше всего конечно, просто селфи — в позах нынешних «моделей», с высунутыми языками, рожками и без, причём подобное, как водится, тяготеет к подобному. Какой-то барышне на выставке чуть ли не больше всего понравилось платье на С. Боткиной (помните — по Серову — «расфуфыренная» барыня). Модельер Александр Васильев, например, сделал селфи, конечно же, на фоне Иды Рубинштейн, на которую он, кстати, при всей разнице комплексий, чем-то очень похож.

О «деревенском» Серове — вообще почти ни слова. Зато восхищений «блестящими» порт-

ретами царей и аристократов, а также «жаления» погибших от рук большевиков — немерено. И только, кажется, лишь одна печальница о горькой участи Романовых, созерцая «грустный, задумчивый взгляд» царя вдруг справедливо ловит себя на мысли, что «вполне возможно, это просто сработало моё воображение и теперешнее послезнание».

Типичным представляется и такой отзыв: «...Ездили... на выставку Валентина Серова. Мне запомнилась пара его работ — «Николай 3» (так! — В.П.) (это парадный портрет) и портрет «Гlamурная дама»... понравились работы Малевича и абстракции художников 20–21 века».

Какими же способами достигнут такой, прямо скажем, масштабный эффект «операции» (как выражаются в высших финансовых сферах) по «разводке лохов»? Как уже говорилось в первой статье, классическим методом постмодернистской деконструкции классики, предполагаю-

щей «смерть автора» (то есть вынос за скобки вопросов его биографии, мировоззрения и пр.). И проведением специфических операций с «текстом» его судьбы и творчества, при которых действительная логика и смысл его произведений нейтрализуются и встраиваются в иной контекст с помощью добавления в него текстов, направляющих чувство и мысль «реципиента» в инородное русло, абсурдируя и предмет этой операции, и сознание читателя или зрителя.

Кратко я бы определил доминирующий на выставке принцип как соединение двух уровней: «кесарю кесарево» (он же «пиплу пиплово») и — «актуалу актуалово» (или постмодернисту постмодернистово). Причём оба уровня (особенно при наложении друг на друга) носят вполне себе десоветизаторский характер.

Первый уровень прежде всего реализован «концептуальным» отбором вещей, состоящем, как вы уже поняли, в игнорировании множества работ Серова (в том числе из фондов галереи),

созерцание которых могло бы включить в мозгу зрителей что-нибудь «социальное», «народное» или не дай бог «революционное», а также в максимальном присутствии в экспозиции портретов «царственных особ» и «предпринимателей», хотя бы они и не относились к лучшим работам Серова.

В экспозиции выставки этот принцип реализован в выводе на главные места главного зала именно подобных портретов, к тому же перемешанных так, чтобы не ощущался особый дух серовского творчества 1905 года. «Деревенский» же Серов, а во многом и небольшие, но важнейшие для художника портреты писателей, художников и пр. при такой развеске оказались там, где им и положено быть — на периферии выставки, «на задворках».

«Репрессии» подверглось и лирическое, смысловое, солнечное начало серовского творчества, поэтому, как я понимаю, на ней отсутствует «Феб лучезарный», а принципиальнейшие,

сокровенные для Серова поздние античные работы оказались «проходными» в коридоре, ведущем к более ранней «Иде Рубинштейн», тем не менее назначенной устроителями высшей и последней точкой в творческих поисках Серова. По законам искусства экспозиции её финал имеет важное значение для «послевкусия» посетителей.

Не менее последовательно и с большой прилежностью принцип нужной организации восприятия зрителей проведён в аннотациях и текстах каталога и аудиогида, за «кропотливый труд» создателей которых выражают благодарность многие посетители. Которые без сопроводительных текстов, что греха таить, часто напоминают так замечательно изображённого Серовым персонажа басни Крылова (с очками).

Эта «подлянка» начинается уже с момента, когда зрители, к тому же подготовленные «тизер-роликом» (с девочкой — Микки-Маусом) к трогательным чувствам, первым делом бегут смотреть

«Девочку с персиками», которая и портретом-то не является. А в первых словах аннотации с ужасом читают, что её муж, А. Д. Самарин, «государственный, общественный и церковный деятель, статский советник, камергер двора Его Императорского Величества... с 1918 по 1931 год перенёс несколько заключений в тюрьмах и ссылку в Якутск и Олёнминск» и только «в 1989 году он был реабилитирован следственным отделом КГБ СССР».

В ходе выставки аннотация была несколько сокращена, но в каталоге так и осталось. И даром, что Вера Мамонтова вышла замуж спустя 20 лет после создания картины и жила с мужем всего 5 лет, даром, что Самарин (действительно, хороший человек), был, например, сторонником создания колхозов, а его зять, ученик Серафимова Н. Чернышёв, искренне писал в 1957 году картину «Все цветы Ленину». Нужный эффект достигнут.

Потом зритель идёт к «Девушке, освещённой

солнцем» и читает: «политэмигрантка» (конечно, спасалась не от жандармов, а от советской власти — см. 3 часть моей статьи). Потом он идёт к портретам «блестящих» Юсуповых, кн. Орловой, Гиршманов, Е. Морозовой и др. и читает подробные сведения о том, кто когда эмигрировал, что делал в эмиграции, какие магазины там имел (или работал «манекенщицей»), а кто «неоднократно арестовывался» и ссылался в большевистской России.

И пусть половина подобных моделей портретов Серова относилась в его рубрикации к «противным мордам», а другая — ненавидела самодержавие. Главное — пострадали от советской власти!

Апофеозом этого уровня выставки являются, конечно, аннотации к портретам «августейшего семейства», словно списанные из справочника какого-нибудь густопсового эмигрантского белогвардейского Союза. С подробным перечислением титулов, родства с зарубежными «авгу-

стейшими семействами», обстоятельствами жизни в эмиграции или казни «в ответ на (о, ужас!) убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии 15 января 1919 года».

И опять-таки: даром, что великий князь Павел Александрович в своё время был даже выслан на несколько лет из России Николаем Вторым из-за беспутства и явно вызывал у Серова меньшую симпатию чем «Баба с лошадью». Даром, что обречённость царской семьи была очевидна с самого начала XX века, и чуть не пол-России называли Романовых «господа Обмановы» — по названию фельетона, опубликованного в 1902 году, в созданной С. Мамонтовым и редактировавшийся его зятем газете «Россия». А поэт Бальмонт, в том же 1902 году назвав царя «глупым маленьким султаном», в 1905 году ходил с заряженным револьвером, строил баррикады, сотрудничал в большевистской газете и писал: «*Наш царь — Мукден, Наш царь — Цусима, наш царь — кровавое пятно, зловонье пороха и ды-*

ма, в котором разуму темно». И далее: «*Кто начал царствовать Ходынкой, тот кончит — встав на эшафот!*»

Кстати, и на серовском портрете, присутствующем на выставке, Бальмонт изображён с революционной гвоздикой в петлице (в аннотации обо всём этом, конечно, — ни гу-гу).

Вообще-то убогое раздувание сотрудника-ми галереи на выставке монархического пафоса (по Серову — «ползание на карачках») выглядит комически, до боли напоминая незабвенно-го «иллюзионщика» из фильма «Гори, гори, моя звезда», одну немую ленту при разных властях «аннотировавшего» сообразно обстоятельствам. При красных — «Полюбуйтесь, товарищи, на заморского франта! Его в Россию прислала Антанта... Вот какие безобразия творит всемирная буржуазия!», а при белых — «Как хороши, как свежи были розы! ...и Русь цвела, не зная власти хама комиссара».

Но когда вспоминаешь, что в 1906 году импе-

ратор требовал, чтобы с момента ареста до исполнения приговора военно-полевых судов (созданных по его инициативе) проходило не более 48 часов, а также какие работы Серова спрятаны от зрителя, становится не до смеха.

Тем более что в аннотации к портрету матери художника о ней сказано буквально два слова — «*первый в России профессиональный композитор-женщина, критик, общественный деятель*». А в краткой аннотации к портрету Горького, который в 1905 году в состоянии обострения туберкулёза был брошен в холодную камеру Петропавловской крепости, об этом факте не говорится, но приводится чьё-то мнение, что он «*похож на дьячка*».

Зато о портрете адвоката Грунзенберга и его супруги (1910 г.), который значится в каталоге, но не был дан на выставку, написан большущий текст, включая подробности их жизни в эмиграции, то, что именем Грунзенберга-мужчины названа улица в Иерусалиме, а его супруга «считалась

первой красавицей в адвокатском мире». И это при том, что, судя по портрету и письмам Серова, модели не вызывали у него никакой симпатии, и художник был доволен тем, что сумел воплотить то, что хотел: «хутор и провинция чувствуются во всём». И действительно — Груценберг-женщина на серовском портрете очень похожа на «хабалку».

Итак, на описанном выше уровне устроителями выставки сделано всё **для отключения социального мышления зрителей** и угодждения «госпожам и кавалерам». Сам Серов и его мировоззрение здесь не имеют особого значения: даже на обложке каталога воспроизведено крупным планом лицо меценатши Гиршман; отражение же Серова в зеркале убрано за ненадобностью.

Другой уровень деконструкции Серова лежит в другой плоскости, и, имея не менее десоветизаторский характер, как я уже говорил, может быть назван «Актуалу актуалово» (или «Западу Запа-

дово» или «искусствоведу (белоленточному) искусствоведово».

Этот, «стилевой» уровень насилия над Серовым, надо сказать, абсолютно противоречит вышеописанному (благо «начальство» и «пипл» мало что понимают в современном искусстве). И выглядит даже респектабельно, соответствуя международным стандартам, схеме развития русского искусства, принятой (и предписанной нам) «в лучших домах Лондона и Парижа».

Здесь тоже нет места личности, мировоззрению, Этосу, социальным аспектам и тем более солнечному Логосу творчества Серова, поскольку речь идёт о навязывании ему роли мастера, ставившего и решавшего «самоценные» стилевые задачи. И пусть знатные и действительно понимавшие Серова люди подчёркивали, что в его творчестве человеческое, социальное и художественное неразделимы, что (по воспоминаниям мириискусника С. Яремича) «больше всего поражало в Серове нескрываемое недоброжела-

тельство, с примесью даже некоторой брезгливости, по отношению к профессионализму, к художнической среде, самодовольно замкнутой в своих специфических интересах. Все они были ему чужды и противны».

Устроителям выставки на это наплевать: в их текстах, начиная с пресс-релиза, так или иначе проталкивается (при всех восторгах перед «величием» Серова) представление о нём как «формообразующем» мастере, вечном новаторе, который, пройдя импрессионистическую стадию, не только «определил(?)» развитие стиля модерн в России, но и **«стал (внимание!) предтечей авангарда»**, «вымостил дорогу к искусству 20 века» (они бы ещё и приятеля Серова и заклятого врага Малевича — Бенуа объявили предтечей последнего).

Выделенная нами фраза, вообще-то, многое стоит, поскольку за ней стоит целая «философия искусства», согласно которой главной фигурой искусства XX века является Малевич, а пол-

ноценным творчеством являются лишь авангард в разных его ипостасях (экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм и пр.), а затем и отвязный поставангард (постмодернизм, актуальное искусство).

Объявление же Серова «предтечей» Мессии (то есть Малевича) как бы освящает эту «закономерную» схему (реалистическое искусство, тем более советское в ней оказываются «незаконными»).

Именно эту «логику» и втюхивают зрителю создатели выставки, строя (по их словам) «диагональ основного зала» (?), чтобы показать движение Серова от импрессионизма к фовизму в «Портрете И. Морозова» (на самом деле вполне себе реалистическом, но с работой фовиста Матисса на фоне).

И далее — к портрету «бедной, голой» Рубинштейн, в «рафинированно-изысканном образе», которым художник, оказывается, «приблизился к стилистике экспрессионизма». Это, конечно,

верх искусствоведческой мысли, если учесть что экспрессионизм «весь — боль и ушиб» (Маяковский), а «рафинированно-изысканная боль» — это, как говорили герои Чехова, «что-то декадентское».

О том же, что и в конце жизни Серов говорил, что он «извините за выражение... всё-таки реалист», здесь и вспоминать не приходится.

Как вы уже поняли, на этом уровне устроителям выставки абсолютно наплевать и на «Россию, которую мы потеряли» и на «царственных особ», поскольку Николай Второй, например, в 1915 году огорошил Б. Кустодиева заявлением (кстати, во многом справедливым), что «импрессионизм и я — несовместимы». При этом, как показалось художнику, царь путал импрессионизм и революцию.

Плевать устроителям выставки и на смысл серовского творчества. В их логике «Аполлон и Диана избивают детей Ниобеи» — серовская работа 1911 года, утверждающая неизбежность на-

казания тем, кто высокомерно ставит себя выше Солнца (Аполлон) и Природы (Диана) — является прологом к «заколачиванию Солнца в бетонный гроб», предпринятым Малевичем и др. в 1913 году в опере «Победа над Солнцем». Именно там впервые появился супрематический чёрный квадрат («предтечей» которого, как недавно уточнили, была французская карикатура XIX века «Борьба негров в тёмной пещере»).

В 1915 году, когда был создан главный вариант «Чёрного квадрата», Малевич (дважды проваливавшийся на вступительных экзаменах в Училище живописи времён Серова) жаждал разрушения старого мира, уничтожения музеев и «摧毀 старых идолов, Аполлонов и Дионисов», а также «дебелых венер». Позже он требовал не только политического, но и художественного террора по отношению к «России, которую мы потеряли», тем более что «сорванная гайка» была ему «дороже Храма Василия Блаженного» (почитайте его статьи 1918 года в газете «Анар-

хия»).

Ещё хлеще выступали порой представители и других «измов» например, А. Бретон, писавший, что *«...самый простой сюрреалистический акт состоит в том, чтобы, взяв в руки револьвер, выйти на улицу и наудачу, насколько это возможно, стрелять по толпе»*.

Я уже не говорю о нынешних мастерах «поставангарда», лающих на прохожих и прибывающих себя за причинное место к Красной площади...

Понятно, что, говоря всё это, я не отрицаю ни базового для искусствознания факта исторической трансформации стилей искусства, ни важного места авангарда в культуре начала XX века, ни обретения и выражения им каких-то качеств, существенных для минувшего, исполненного катастрофическими напряжениями и проявлениями дегуманизации столетия.

Но «прогрессистская» логика, предлагаемая нам устроителями выставки, и их утверждения

типа «нет бога кроме Малевича, а Серов пророк его» в сочетании со слезами по «России, которую мы потеряли», могут породить только состояние «голова в синус, мозг в косинус». И слишком уж напоминает принципы абсурдизации жизни общества и манипулирования им по Оруэллу: «Война — это мир», «Свобода — это рабство», «Незнание — сила» и т. д.

Но ничего — все довольны выставкой и даже не ощущают навязываемого им абсурда. Привыкли! Довольна публика, довольно начальство («у нас как на Западе»), довольны г-н Самодуров и г-жа Голодец, на открытии выставки целых полтора часа рассматривавшая царей и «путь Серова к авангарду», доволен главный спонсор выставки (банк ВТБ) и «Эхо Москвы».

Довольна и главная (во всяком случае на поверхности) героиня «абсолютного хита сезона» (газета «Коммерсант» о выставке) — генеральный директор Третьяковской галереи г-жа Третьякова, на каждом углу клянущаяся в любви к Серову.

ву. И всячески подчёркивающая, что хотя пришла в музей почти на готовенько (работа над выставкой шла 2,5 года), «вмешалась в это дело радикально», переделала экспозицию так, «чтобы зритель столбенел... от того, что там увидел» и настояла на снабжении работ подробными аннотациями, **«такими как нужно нашему народу в наше время»** (здесь и ниже цитируются её личные высказывания).

В многочисленных интервью (каналу «Дождь», «Эху Москвы» и т. п.) содержится немало других ценных откровений и признаний Трегуловой, позволяющих представить будущее главного национального музея.

Например, мы узнаём из них, что Трегулова — «агностик» (т. е. отрицает понятие истины), так что какой уж тут замшелый Третьяков с его «правдой и поэзией» или Серов как «прежде всего искатель истины».

Узнаём мы и то, что для неё «Чёрный квадрат» и «Сикстинская мадонна» — вещи одно-

го порядка» (это — заголовок интервью «Арт-Гиду»).

Быть может, особенно интересно интервью, которое она даёт, «по ходу» рекламируя новую модель Kia Quoris («очень красивый цвет, красивая машина, дизайн красивый») и характеризуя Серова как «радикального новатора», вернувшего живописи «самоценность», решая «чисто художественные задачи» в отличие от «заряженных социальной ответственностью полотен передвижников», которые «убивали в себе художников».

Прошу прощение у читателей за профессиональное отвлечение, но не могу не задать Трёголовой вопрос: а как же мнение «социально безответственного», судя по её высказыванию, Серова о «несравненности» Репина, его нежная любовь к некоторым вещам Перова, засвидетельствованная Бенуа, на склоне лет также включившего этого передвижника в список святых своего календаря? А как же Суриков, Поленов и другие

«старшие» абрамцевцы?

И вообще, как может руководить Третьяковской галереей, основой коллекции которой «как ни крути» (выражение Трегуловой) являются передвижники, человек, считающий, что сегодня самое (а может быть и единственно) актуальное в них то, что это — «*момент начала художественного рынка в России... коммерческое предприятие*».

Последняя цитата даётся уже по интервью «актуалке» Милене Орловой (которая некогда писала в статье «Грачей жалко» про чёрные тушки с депрессивной картины Саврасова) — очень довольной и выставкой Серова и «тизер-роликом» («это, конечно, смешно было»).

Здесь мы узнаём и некоторые особенности выставочной технологии: «*спонсоры, у которых просят крупную сумму, должны понимать, на что они дают деньги, что это за проект*». И свидетельства благонадёжности: хотя «*отец прошёл войну с 1941 по 1945 год как фронт*»

вой оператор и снимал Потсдамскую конференцию» и три дяди погибли на войне, один дядя всё-таки был репрессирован, дедушка арестован, а «у моих детей прадедушка с другой стороны был расстрелян в 24 часа на Лубянке как немецкий шпион. Вот».

При этом, сетуя на то, что, попав в старую Третьяковку, она словно «переместилась в застойные 80-е годы», г-жа Трегурова чётко указывает на «кадры», более близкие её устремлениям в будущее, прежде всего на искусствоведа Андрея Ерофеева («очень сильная, харизматичная фигура»), не так давно делавшего в галерее «яркие инновационные проекты».

Напомню, что этот харизматик — тот самый удалённый из галереи почти 10 лет назад из-за скандала с «Целующимися милиционерами» друг «Пусек», господ Самодурова и М. Гельмана (очень радовавшегося по поводу назначения Трегуловой директором Третьяковки), а также — её коллега по жюри «Премии Кандинского».

Именно А. Ерофеев, между прочим, является и автором использованного нами термина «десоветизация живописи», к которой он вновь и вновь призывает на страницах разных белоленточных изданий и сайтов и которая предполагает утверждение в умах именно охарактеризованной выше актуалистской схемы истории отечественного искусства.

Если же учесть склонности Ерофеева (см. картинку с его фото под гейским флагом и большим транспортом с надписью «Я е.. медежонка»), то можно представить, какое будущее уготовано с такими директорскими товарищами картинам передвижников и, в частности, «Мишкам в сосновом лесу». Вот уж воистину, «Грачей жалко»!

Впрочем, о ближайшем будущем главного национального музея России и новом «хорошем, хитром замысле» г-жи Трегуловой можно судить и более определённо. На июль запланировано открытие, конечно же, также «беспроигрышной» выставки И. Айвазовского, на которую и деньги

богатых коллекционеров найдутся, и народ так и «попрёт».

Причём в том же интервью Милене Орловой Трегурова раскрывает и имя консультанта, указаниями которого она будет руководствоваться при устройстве выставки. Это знаменитый британский скульптор господин Аниш Капур, для которого она недавно специально открывала Третьяковку вечером в выходной и который, за полчаса осмотрев иконы и пр., ненадолго задержался у Айвазовского, сказав «нечто», на что «мы будем опираться», делая выставку мариниста.

К этому можно добавить лишь то, что Капур, это — «самый скандальный скульптор современности». В частности, он является автором временно «украшавшей» Версаль и «всколыхнувшей всю Францию» гигантской инсталляции «Грязный уголок» (или — по определению автора — «Вагина, захватившая мир»), представляющей собой «огромную воронку из ржавого металла, напоминающую трубу граммофона, уста-

новленную среди валунов». Причём не успела эта инсталляция простоять и месяца, как её «забрызгали жёлтой краской и исписали антисемитскими надписями». Хороша и другая инсталляция Капура — «Алая Родина», которая «напоминает и окровавленное мясо, ассоциирующееся с бесконечной болью, и гигантский бассейн (30 метров в диаметре) вишнёвого мороженого.

Прямо скажем, после всех откровений Трегуловой очень хочется пожалеть «оставшихся в застое» сотрудников старой Третьяковки. Но после ознакомления с их статьями в каталоге выставки Серова и других СМИ, интервью и пр. это желание улетучивается.

О них, а также о «десоветизации» учеников Серова П. Кузнецова и К. Петрова-Водкина, и о выставке «Романтический реализм. Советская живопись 1925–1945 гг.» в Манеже (одним из авторов которой была также г-жа Трегулова) будет рассказано в следующих статьях.

Владимир Петров